

АЛЕЩЕНКО Елена Ивановна

**ЭТНОЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА
В ТЕКСТАХ РУССКОГО ФОЛЬКЛОРА
(на материале народной сказки)**

10.02.01 — русский язык

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Волгоград — 2008

Работа выполнена в Государственном образовательном учреждении высшего профессионального образования «Волгоградский государственный педагогический университет».

Научный консультант — доктор филологических наук, профессор *Супрун Василий Иванович*.

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, профессор *Горбань Оксана Анатольевна* (Волгоградский государственный университет);

доктор филологических наук, профессор *Карабулатова Ирина Советовна* (Тюменский государственный университет);

доктор филологических наук, профессор *Мокиенко Валерий Михайлович* (Санкт-Петербургский государственный университет).

Ведущая организация — Кемеровский государственный университет.

Защита состоится 18 декабря 2008 г. в 10 час. на заседании диссертационного совета Д 212.027.03 в Волгоградском государственном педагогическом университете по адресу: 400131, г. Волгоград, пр. им. В. И. Ленина, 27.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Волгоградского государственного педагогического университета.

Текст автореферата размещен на официальном сайте Волгоградского государственного педагогического университета: <http://www.vspu.ru> 18 сентября 2008 г.

Автореферат разослан 15 ноября 2008 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
доктор филологических наук,
профессор

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА КГУ

0000514529

Е. В. Брысина

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Фольклор в узком его понимании (как устное словесное искусство со своей особой жанровой системой, набором сюжетов, героев, изобразительных средств) и в широком (как традиционная народная культура во всем многообразии ее форм и способов выражения) всегда представлял исследовательский интерес для ученых — литературоведов и лингвистов. Это объясняется не только стремлением к изучению его специфики, системы сюжетов, жанров и т. п., но и тем, что фольклор представляет собой отражение особой картины мира, сложившейся в народном сознании в течение тысячелетий и не утратившей значимости в наше время. Особенно актуально изучение устного народного творчества в настоящее время, когда растет интерес к историческому прошлому, идет поиск русской национальной идеи.

Такой жанр фольклора, как сказка, исследовался в самых разных аспектах. В работах А. Н. Афанасьева, Ф. И. Буслаева, А. Н. Веселовского, Е. М. Мелетинского, С. Ю. Неклюдова, В. Я. Проппа и мн. др. рассматривались вопросы типологии сюжетов и персонажей, особенности развития действия и природа различных сказочных условностей, взаимоотношения сказки и мифа и др. (Афанасьев 1865; Буслаев 1871; Веселовский 1893; Пропп 1963; Неклюдов 1969; Мелетинский 1970). Составлены указатели сказочных сюжетов, созданы различные типологии сказок, проделана огромная работа по сбору и обработке сказочных текстов. В настоящее время сказка становится предметом изучения лингвофольклористики, лингвокультурологии, этнолингвистики, когнитивной лингвистики. Исследованию подвергались фольклор как этнокультурный феномен (И. А. Разумова), язык фольклора (П. Г. Богатырев), фольклорная рифма (А. А. Петрова) и пр. Отдельные фольклорные концепты рассматривались в работах Е. Б. Артеменко, О. В. Волощенко, С. Г. Воркачева, В. Е. Добровольской, М. Н. Заметалиной, С. А. Кошарной и других ученых. Привлечение сказочных текстов как материала для когнитивных исследований представляет, на наш взгляд, значительный научный интерес. Изучение сказочной концептосферы с целью выявления особенностей вербализации в ней тех или иных концептов, сходства и различия фольклорных и общекультурных концептов способствует решению проблем взаимодействия языка и культуры, формирования этноязыковой картины мира, тем более что комплексно фольклорные концепты до настоящего времени не исследовались, не предпринималась попытка структурирования фольклорной концептосферы русской народной сказки и системного анализа средств вербализации этих концептов. Задачам нашего исследования наиболее полно отвечает известное определение концепта, данное Ю. С. Степановым: «сгусток культуры в со-

знании человека»¹. При этом, исследуя концептосферу русской народной сказки, мы должны отметить ее антропоцентрическую ориентацию. Предпринятый лингвокультурологический и этнолингвистический подход к изучению языка русской народной сказки позволяет выявить отразившиеся в нем черты менталитета русского этноса, описать особенности репрезентации в нем основных лингвокультурных концептов. Все вышесказанное обуславливает актуальность предпринятого нами исследования.

Объект исследования — язык русской народной сказки.

Предмет исследования — способы и средства вербализации в языке русской народной сказки основных фольклорных концептов.

В диссертационном исследовании была выдвинута следующая гипотеза: русская фольклорная концептосфера отличается от общекультурной как по составу компонентов, так и по строению. Поскольку в фольклорной языковой картине мира фиксируются донаучные, наивные, мифологические представления, набор наиболее существенных из них, подвергшихся концептуализации, не совпадает с представленным в русской языковой картине мира в целом. Те из фольклорных концептов, которые на понятийном уровне совпадают с общекультурными, отличаются от них на уровне аксиологическом. Структурирована фольклорная концептосфера на основе противопоставления концептов «Бог» и «Черт», что также отличает ее от современной этноязыковой.

Цель работы — структурировать фольклорную концептосферу, отраженную в текстах русских народных сказок, и выявить способы и средства ее вербализации в сравнении с русской общекультурной концептосферой.

Достижение поставленной цели предполагает решение следующих задач:

- 1) определить особенности фольклорного концепта и его отличия от концепта общекультурного;
- 2) выявить основные фольклорные концепты, отразившиеся в текстах русских народных сказок, и структурировать на их основе концептосферу русской народной сказки, являющуюся частью русской фольклорной концептосферы;
- 3) определить основные способы репрезентации концептосферы в сказочных текстах;
- 4) исследовать, описать и классифицировать средства вербализации фольклорных концептов с точки зрения их структуры и семантики;
- 5) установить значимость языковых средств для репрезентации рассмотренных фольклорных концептов в зависимости от их отнесенности к одной из структурно-семантических групп;

¹ Степанов, Ю. С. Вводные статьи. Культура. Концепт. Константа // Его же. Константы: Словарь русской культуры. Опыт исследования / Ю. С. Степанов. — М., 1997. —

б) рассмотреть роль в реализации основных фольклорных концептов таких традиционных структурных языковых элементов сказки, как зачины, концовки, рифмованные формулы и др.;

7) выявить особенности отражения фольклорных концептов в русском языковом сознании путем использования лингвистического эксперимента.

Материалом исследования послужила авторская картотека, собранная путем сплошной выборки текстовых единиц, представляющих собой средства вербализации основных фольклорных концептов, из сборников сказок А. Н. Афанасьева, Д. К. Зеленина, Н. Е. Ончукова, Д. Н. Садовникова, И. А. Худякова (в обработке М. А. Булатова, А. П. Платонова, К. Д. Ушинского и др.), составляющая 14500 единиц. Объем исследованных текстов — 120 п. л.

Методологической основой диссертации служат положения о диалектической всеобщей связи и взаимообусловленности процессов и явлений, системности языка, историческом характере языковых процессов, а также национально-культурный подход к языковым явлениям, предполагающий учет связи языка и культуры, системный подход к средствам и способам вербализации основных фольклорных концептов во всем многообразии связей между ними.

Теоретическую базу исследования составили труды таких исследователей фольклора, как Ф. И. Буслаев, А. Н. Веселовский, Е. Е. Левкиевская, Д. Н. Медриш, Е. М. Мелетинский, В. Я. Пропп, О. М. Фрейденберг, Ю. И. Юдин и др., а также работы, посвященные вопросам когнитивной лингвистики и концептологии Н. Ф. Алефиренко, С. А. Аскольдова, С. Г. Воркачева, В. И. Карасика, Ю. Н. Караулова, Д. С. Лихачева, Г. Г. Слышкина, Ю. С. Степанова и др.

Наряду с традиционными методами лингвистического описания, контекстуального, компонентного и дистрибутивного анализа используется методика послойного анализа концепта, которая позволяет рассматривать сказочный текст на разных концептуальных уровнях — понятийном, образном, аксиологическом — с учетом отразившихся в нем культурных, исторических, религиозных, социальных и других черт бытия русского этноса. Прием количественных подсчетов дает возможность выявить наиболее продуктивные для вербализации сказочной концептосферы группы языковых единиц. Для определения особенностей отражения в языковом сознании русского человека основных сказочных концептов и их роли в формировании концептосферы русского народа используется методика лингвистического эксперимента.

Новизна исследования определяется тем, что в нем впервые дается комплексное описание языковых средств реализации сказочной концептосферы в этнолингвистическом и лингвокультурном аспектах, разрабатываются методика выделения отдельных фольклорных концептов и принципы их соотнесения с общекультурными.

Теоретическая ценность работы заключается в том, что в ней определяется отличие фольклорного концепта от общекультурного, выявляются его причины, структурируется фольклорная концептосфера, углубляется разработка вопросов отражения в языке национальной идентичности, закрепления в этноязыковой картине мира основ мировоззрения, православных морально-нравственных и эстетических ценностей. Исследование способствует более глубокому изучению языка русской народной сказки и выявлению его национальных особенностей.

Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов при составлении лингвокультурологического словаря русских фольклорных концептов, словаря православной лексики русской народной сказки; в практике преподавания лингвокультурологии, устного народного творчества, этнолингвистики, при чтении спецкурсов по общим вопросам фольклористики и лингвофольклористики, основам этнолингвокультурологического анализа, основам православной культуры, а также при кружковой работе в школе (изучение сказок), в работе воскресных церковных школ.

Положения, выносимые на защиту:

1. Фольклорная картина мира, отразившаяся в русской народной сказке, отличается антропоцентричностью и теистической направленностью. Фольклорный концепт (ФК), являясь особым типом лингвокультурного концепта, на своем понятийном уровне практически совпадает с концептом общекультурным. Значение слова (или словосочетания) — имени концепта в фольклорном тексте не отличается от общеязыкового. Различия возникают на образном и аксиологическом уровнях. С ФК связана разветвленная система адгерентных и ингерентных ассоциаций и коннотаций, которые у общекультурного концепта могут отсутствовать. Оценка того или иного предмета или явления, оформившегося концептуально, в фольклорном тексте также может быть представлена под другим углом зрения, нежели в общеязыковом употреблении. ФК на фоне относительно нейтральной общекультурной единицы обладает ярко выраженной оценочной полярностью.

2. ФК является образованием русского языкового сознания и реально представлен рядом фольклорных образов. В процессе своего функционирования ФК подвергается видоизменениям прежде всего оценочного и образного компонентов. Это связано как с экстралингвистическими факторами (смена общественного строя, мировоззрения, идеологии), так и с интралингвистическими (специфика фольклорного жанра, особенности средств вербализации ФК). При этом объем понятийного компонента остается неизменным.

3. Сказка, возникнув на основе мифа, отражает происшедшие в народном мировоззрении изменения. Специфика создания и развития фольклорного текста выражается в том, что его автором является совокупная

языковая личность, в результате чего сказка существует в диахронически и территориально различающихся вариантах. На презентацию и восприятие сказочного текста оказывает воздействие языковая личность сказителя и слушателя, что выражается в сочетании стереотипности сюжетов и структуры с наличием вариантов как проявления импровизации сказочного текста, допускаемого сказителем. В русских сказках концепты выражаются через развёрнутые и иерархически выстроенные субконцептосферы. В центре всего концептуального пространства находится человек и его социальное и природное окружение, над антропоцентрически ориентированным пространством располагается теистическая биполярная структура «Бог» — «Черт»».

4. Фольклорный концепт репрезентируется в тексте сказки различными способами, среди которых большое значение имеет особое, аксиологически выраженное развитие семантики слова — номинанта концепта, специфичность его синтагматических и парадигматических связей, его дистрибуции, использование этимологических связей, отражение лексической и словообразовательной вариативности.

5. Среди языковых средств репрезентации ФК в тексте ведущее место занимают единицы лексического и фразеологического уровней. Лексемы и фраземы закрепляют в своей семантике историческую память народа, их коннотативные семы фиксируют образный и аксиологический компоненты соответствующего концепта. Однако ФК в отличие от общекультурных с большей регулярностью могут репрезентироваться и содержанием большого текстового фрагмента или даже всего фольклорного текста, в нашем случае — сказки.

6. Фразеологические и паремиологические единицы выступают важнейшим средством вербализации ФК. В широком понимании к ним относятся также фольклорные афоризмы, устойчивые выражения с синонимичными и тематически близкими лексемами, рифмованные лексические комплексы. Помимо того, что они являются важнейшим фольклорным изобразительно-выразительным средством, эти единицы в сказочном тексте выполняют и другие функции: композиционную, уточнения и др., тем самым вербализуя образный и оценочный уровни концепта.

7. Единицы формульного характера являются специфическим средством вербализации именно ФК и мифоконцептов. Они придают последним особенности, которые отличают ФК от общекультурных и литературных, так как выражают сказочные условности, связанные с организацией пространства, течением времени, обращением к волшебным помощникам, совершением важнейших событий в сказочном сюжете и т. д. Эти условности характерны для всех сказочных текстов, а формулы считаются таковыми за счет устойчивости их лексического состава и регулярной повторяемости во многих сказках. В их число входят зачины, концовки, заговоры, молитвы, рифмованные формулы и др. Они выпол-

няют прежде всего функцию организации сказочного текста, а также коммуникативно-прагматическую, регламентируя взаимоотношения исполнителя и слушателей сказки, а также этнокультурную, будучи использованными в реальной коммуникации в качестве цитат и афоризмов с национально-культурной окрашенностью.

Апробация работы. Основные идеи и результаты исследования обсуждались на заседаниях кафедры общего и славяно-русского языкознания Волгоградского государственного педагогического университета, а также на международных, всероссийских и региональных конференциях в Москве (2005, 2006 гг.), Волгограде (2003, 2005—2008 гг.), в болгарских городах Велико-Тырново (2006 г.), Русе (2006 г.), Пловдиве (2006 г.), Варне (2007 г.), в г. Рабе (Хорватия) (2006 г.), г. Гранаде (Испания) (2007 г.), г. Порто-Карасе (Греция) (2008) (всего на 25 конференциях).

Материалы диссертационного исследования использовались при разработке и чтении спецкурса «Когнитивные аспекты языка русской народной сказки» на филологическом факультете Волгоградского государственного педагогического университета, а также при участии молодых преподавателей в конкурсе, проводимом фондом В. Потанина (стала его победителем в 2004 г.).

Основные положения диссертации отражены в 81 публикации (57,9 п. л.), в числе которых монография, пособие по спецкурсу, статьи, в том числе 8 — в журналах, входящих в перечень ВАК, материалы и тезисы конференций и симпозиумов различного уровня.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, четырех глав, заключения, списка использованной литературы и приложения.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** определяются объект и предмет исследования, обосновываются его актуальность, научная новизна, теоретическая и практическая значимость, формулируются цель и задачи работы, указывается материал, на котором она выполнена, описываются методологическая основа и методы исследования, а также его апробация, формулируются положения, выносимые на защиту, определяется структура диссертации.

Первая глава «Отражение фольклорной языковой картины мира в русской народной сказке» посвящена анализу основных понятий лингвокультурологии и когнитивистики применительно к фольклору (фольклорная языковая картина мира, фольклорный концепт, совокупная языковая личность), а также рассмотрению вопросов о происхождении сказки, ее месте в системе эпических фольклорных жанров, отражении в сказке христианства и народного православия.

Фольклорная картина мира, будучи составной частью национальной картины мира, реализуется в разножанровых текстах устного народного творчества. Поскольку наше исследование выполнено на материале языка русских народных сказок, основное внимание было сосредоточено на той части фольклорной концептосферы, которая вербализовалась в нем. Особый интерес, на наш взгляд, представляют место и роль в фольклорной картине мира картины мира христианской, которая не могла не отразиться в русском языке в силу культурно-исторического развития народа.

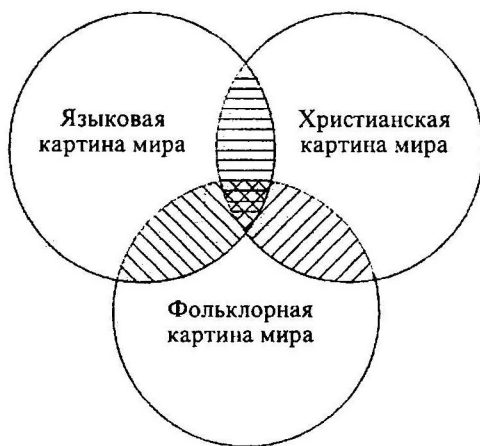

Рис. 1. Соотношение русской языковой, христианской и фольклорной картин мира

Фольклорная картина мира соотносится с русской языковой примерно так же, как последняя — с концептуальной. То же можно сказать и о христианской картине мира по отношению к фольклорной и общезыковой. В нашем исследовании рассматривается прежде всего та часть языковой картины мира, которая находится на пересечении русской языковой, фольклорной и христианской.

ФК имеет ряд особенностей, которые, не противореча его связи с общекультурным концептом, ставят первый, тем не менее, на качественно иную ступень. Они обусловлены спецификой фольклора как такового и спецификой сказочного текста в частности. По своей структуре ФК, будучи частным представлением общекультурного концепта, сходен с последним: обнаруживает понятийный, образный и оценочный компоненты. И если первый из них может совпадать с понятийной составляю-

щей общекультурного концепта, то остальные в корне отличаются. Это объясняется особой образной системой фольклора, которая имеет собственную структуру, иерархию. В устном народном творчестве воплощено в языковой форме народное сознание. Оно же выражается и в языковых стереотипах, лежащих в основе фольклорных жанров. Языковая картина мира детерминируется условиями жизни этноса. Она имеет ярко выраженный аксиологический характер, однако выражается не непосредственно, а через этнический менталитет (С. Ю. Аншакова).

Совершенно иным по сравнению с общекультурным концептом представляется оценочный компонент ФК. Мир «вращается» вокруг человека, он оценивается с точки зрения его пригодности/непригодности для существования человека, а потому и оценка мира зависит прежде всего от человека. В языке сказки закрепляется оценка человека с точки зрения его взаимоотношений с Богом и нечистой силой (верхний слой концептосферы, то, что стоит над человеком, но преломляется через его сознание и язык), взаимодействия с себе подобными и осознания своего места в обществе (человек рассматривается как член семьи, а также в социальной иерархии — средний слой, который составляет общество, понимаемое как человек в кругу себе подобных во всем многообразии взаимоотношений с ними), а также с точки зрения взаимодействия с живой и неживой природой (причем особо выделяется мир нерукотворный и рукотворный — нижний, слой, т. е. то, что человеку подвластно или над чем он постепенно берет верх).

Таким образом, ФК характеризуется следующими особенностями:

1) его понятийная составляющая совпадает с соответствующим компонентом общекультурного концепта, а образная и оценочная — могут значительно отличаться (например, образный и оценочный компоненты ФК «Мачеха» отличаются от соответствующих уровней общекультурного концепта);

2) отличие образной и оценочной составляющих ФК от соответствующих слоев общекультурного концепта связано с тем, что в первом может актуализироваться один из семантических признаков слова — имени концепта, который во всех фольклорных текстах соответствующего жанра выводится на первый план (в ФК «Мачеха» это признак «злая», что подтверждается, помимо сказочных текстов, результатами лингвистического эксперимента);

3) аксиологическая составляющая ФК может не совпадать с общекультурной, в связи с особой системой и иерархией фольклорных образов и представлений о том, что является достойным и правильным, а что — нет (например, сказки о ловких обманщиках и плутах);

4) средствами вербализации ФК служат лексико-фразеологические и паремиологические единицы во всем многообразии их семантики, синтагматических и парадигматических связей; разные по объему отрезки фольклорных текстов, а иногда и фольклорные тексты целиком.

Рис. 2. Структура концептосферы русской народной сказки

Фольклорная коммуникация представляет собой особое явление. Рассказчик добивается определенной коммуникативной цели: вызвать интерес слушателей на первом этапе — в момент изложения текста, что потом естественным образом должно привести к размышлениям над текстом и принятием сказочной морали. Он решает эту задачу с опорой на фольклорную традицию, которая для достижения успеха должна быть соблюдена. При этом рассказчику необходимо учитывать речевую ситуацию и состав слушателей (их возраст, социальное положение, профессию и т. д.). Такой учет выражается в подборе определенных речевых средств и в результате может привести к созданию варианта сказки. Вариант является таковым в случае, если, не нарушая традиции, он позволяет слушателям эффективно воспринять текст.

В последнее время ученые-фольклористы, исходя из того, что фольклорное произведение распространяется во множестве вариантов, выводят из этих текстов инвариант сказки. Так были выделены обязательные моменты текста, необходимо запоминаемые исполнителем, и необязательные моменты, которые могут допускать замену при каждом новом воссоздании фольклорного произведения. Слушатель встраивает смысловую структуру сказки в собственное сознание, прибегая к помощи во-

ображения. Он должен быть при этом знаком с традицией, чтобы сказочные условности принимались им как данность, как должное. Лишь в таком случае можно говорить об успехе фольклорной коммуникации.

Совокупная языковая личность проявляется в сказочном тексте с учетом всех трех ее компонентов (ценностного, культурологического и личностного), отражая в ходе создания сказки процесс включения человека в определенные социальные отношения, активную речемыслительную деятельность по нормам и эталонам, заданным той или иной этноязыковой культурой, а также процесс усвоения законов социальной психологии народа. В фольклорной коммуникации участвуют исполнитель текста и его слушатели, и состоявшейся ее можно считать лишь тогда, когда изложенный текст воспринят слушателями адекватно. Сказитель проявляет себя как языковая личность и когда следует фольклорной традиции в исполнении текста, и когда выступает как импровизатор. При этом непременно учитывается установка сказки на вымысел. Слушатели заведомо готовы воспринимать некоторые осознанные ими в ходе социального освоения действительности сказочные условности, которым не дается объяснение.

Занимая особое место в системе фольклорных жанров, сказка может быть противопоставлена несказочной прозе, с одной стороны, и былине — с другой. Несмотря на имеющиеся жанровые различия между ними, сказку с былинной объединяет описание героических подвигов, а с несказочной прозой в целом — сюжеты. При этом с преданием ее роднит оценочность, с быличками — герои, со сказами — схожие фантастические элементы, с легендами — особенности вымысла.

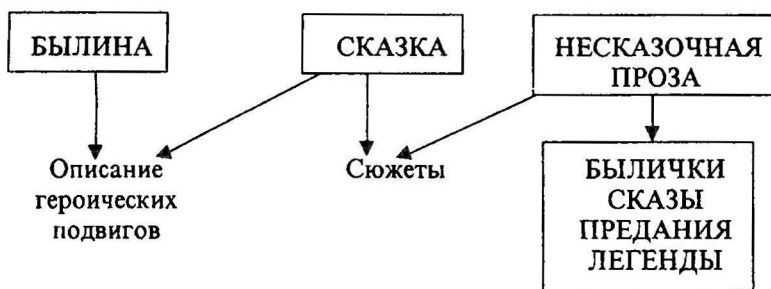

Рис. 3. Сказка в системе эпических фольклорных жанров

Философская и культурологическая основа сказки обуславливает особенности отражения в ней окружающей действительности. Главная из них заключается в опосредованности этого отражения, хотя реальные черты народной жизни и быта также могут быть извлечены из ска-

зочного текста. Для сказки как назидательно-развлекательного жанра характерны многочисленные условности, которые безоговорочно принимаются слушателями. Наряду с этим сказка с большим вниманием относится к нравственным законам и ценностям, и функция поучения, урока, который заключен в любой сказке, предполагает, что она должна носить своеобразный предписывающий, назидательный характер. При этом если положительный герой служит примером для слушателя, то происходящее с отрицательным героем несчастье или понесенное им наказание — назиданием. В финале сказки может заключаться мораль, подобная басенной, потому в сказочном тексте столь широко используются паремиологический фонд русского языка, различные рифмовки, афоризмы и т. п.

Варианты сказки представляют собой результат взаимодействия двух процессов в момент ее исполнения: с одной стороны, следование народно-поэтическим традициям, с другой — проявление способности к импровизации, которая преследует различные цели. Это может быть стремление заинтересовать слушателей, вызвать у них живой отклик, а также в определенной мере авторизировать текст, проявить креативность, внеся в него личностные черты, собственное видение мира. В результате в сказке вербализуется мировоззрение и верования автора, выражается его личное отношение к сообщаемому через использование аксиологических высказываний, фольклорных афоризмов, паремий, рифмовок, фразеологических единиц. В сказочный текст также вводятся риторические вопросы, слова и выражения, активизирующие внимание слушателя.

Во второй главе «Средства вербализации фольклорных концептов в сказочных текстах» структурируется фольклорная концептосфера и анализируются основные средства ее вербализации в сказочном тексте.

Этноязыковая картина мира реализуется в тексте русской народной сказки посредством широкого круга языковых средств разного уровня — от лексемы до текста. При анализе понятийного уровня концепта следует опираться прежде всего на лексическое значение слова — имени концепта. Следовательно, лексемы являются одним из важнейших средств вербализации концептов.

Слово — имя концепта может отсутствовать в конкретном сказочном тексте, однако сам концепт в нем реализуется. Пример такой вербализации концепта «Семья»: *«Где же это видано, где же это слыхано: от живого мужа жену отбивать! Каков ни на есть, хоть простой стрелец, а мне он — законный муж»* («Пойди туда — не знаю куда, принеси то — не знаю что»). Здесь используются наименования родства — *жена* и *муж*, что и позволяет говорить о реализации в данном отрывке концепта «Семья». Более того, использование устойчивой единицы *где же это видано, где же это слыхано* подчеркивает, что сказанное героиней является общепринятым. Утверждает же она, что при живом муже жена не может уйти

к другому, что *законный муж* имеет право сохранить свою супругу независимо от социального статуса, что подчеркивает еще одно устойчивое выражение *каков ни на есть*.

Фразеологические единицы (ФЕ) тоже играют в тексте сказки значительную роль. Они выполняют, с одной стороны, традиционную образительно-выразительную функцию, с другой — являются немаловажным средством вербализации ФК, поскольку в них закрепляются наиболее устойчивые, древние представления народа о различных предметах и явлениях действительности, а также о морально-нравственных законах и правилах: *«Ну, брат, коли тебе товар мой неугоден, так ступай с пустыми руками; нет тебе ни товару, ни денег!»* («Купленная жена»).

При этом в сказочных текстах фразеологические единицы приобретают одну важную особенность: поскольку события, совершающиеся в сказке, как правило, необычны, могут использоваться такие приемы трансформации ФЕ, как буквализация, актуализация первичной денотативной ситуации. Причем иногда такой прием формирует один из сказочных эпизодов. Так, встречаются сказочные ситуации, в которых произнесенное в гневе слово (как правило, фразеологическая единица коммуникативного характера) понимается буквально, и герой «пожинает плоды» сказанного: *Купец глянул и говорит: «Ах! Посуда-то моя; пировал я однажды с гостями, спьяну осерчал на жену: «Черт возьми!» — говорю и давай кидать со стола что ни попало за порог; с той поры и пропала моя посуда!» И взаправду так было; как вспомнил этот купец черта, нечистый тотчас явился у порога, стал забирать к себе золотую да серебряную посуду, а вместо ее черепков накидал* («Неосторожное слово»). Таким образом, коммуникатив *черт возьми* употребляется в значении первичного свободного словосочетания, что иллюстрирует в сказке силу слова, а также закрепленный в народном сознании запрет поминать нечистого.

Что же касается словосочетаний с компонентом *Бог*, которые также могут служить средством вербализации соответствующего концепта, то многие из них десемантизированы в современном языке, однако в сказочных текстах такая десемантизация могла в полной мере не завершиться, например: *«Да, это служба немалая! Чтوب туда добраться, надо девять лет идти, да назад девять — итого восемнадцать лет; а будет ли толк с того — бог ведает!»* («Пойди туда — не знаю куда, принеси то — не знаю что»); *«Ну, царь-государь, — сказал орел, — отдохни у нас, а после дам тебе корабль, расплачусь с тобой за все, что поел у тебя, и ступай с богом домой»* («Морской царь и Василиса Премудрая»); *Огляделся царевич кругом, увидал тропинку и пошел по ней: авось куда бог приведет* (Там же).

Подобные языковые единицы представляют собой присловья, распространенны и в современной речи. Изначально они служили реализа-

цией закрепленного в народном сознании концепта «Бог». Анализ лексико-фразеологических средств вербализации фольклорного концепта «Бог», наиболее часто встречающихся в сказочных текстах, представлен в табл. 1.

Таблица 1

Концептуальная черта Бога	Лексическая или фразеологическая единица, вербализующая ее	Количество	%
Бог по-разному именуется	<i>Бог, Господи, Господи Боже мой, Божество, Господь Бог</i> и др.	21	4,6
Бог совершает все	<i>Бог дал, даст, не дал; Бог приведет; Бог пошлет</i> и др.	72	16,4
Бог создал мир	<i>Божий свет, Божий день</i> и др.	13	3,05
Бог создал человека	<i>Раб Божий, Божий старичок, люди Божии</i> и др.	3	0,6
После смерти человека душа отправляется к Богу	<i>Богу душу отдал</i>	1	0,2
Пища и кров даются Богом	<i>Чем Бог послал, где Бог привел</i>	8	1,8
Человек отправляется в путь по воле Божьей	<i>Бог несет, принес, занес, понес</i> и др.	25	5,7
Все подчиняется Богу	<i>Бог велит</i>	1	0,2
Бог направляет	<i>Бог послал, посылает</i> и др.	10	2,15
Все совершается по воле Божией	<i>Бог так судил, Богу угодно, хожу под Богом</i> и др.	8	1,75
Богу все известно	<i>Бог знает, ведает</i> и др.	11	2,9
Бог оказывает милость	<i>Бог милостив, как Бог милует</i> и др.	9	2,1
У Бога нужно просить милости	<i>Господи помилуй, помилуй Бог</i> и др.	2	0,4
Бог может одаривать благами	<i>Господь даровал, Бог даровал</i> и др.	3	0,6
Бог спасает	<i>Давай Бог ноги, подавай Бог ноги, унеси Бог ноги</i> и др.	11	2,4

Окончание табл. 1

Концептуальная черта Бога	Лексическая или фразеологическая единица, вербализующая ее	Количество	%
Бога просят отвести беду	<i>Не дай Боже, Господи сохрани и др.</i>	4	0,8
Бог воздаёт за добрые дела	<i>Бог не оставит, Бог наградит и др.</i>	4	1
Бог помогает в добрых делах	<i>С богом и др.</i>	65	14,7
Бог осеняет своим благословением добрые начинания	<i>Бог благословляет, благословит, по Божью благословенью и др.</i>	8	1,75
На Божью помощь следует надеяться	<i>Бог поможет, пособит, Божия помощь и др.</i>	7	1,15
Божией помощи в работе принято желать другим	<i>Бог в помощь, Божья помощь, Бог на помочь, Бог помочь и др.</i>	18	4
Бога следует благодарить за помощь	<i>Счастлив твой Бог, моли Бога, благодаренье Богу, слава Богу и др.</i>	43	9,8
Бога можно разгневывать неподобающими поступками, в противном же случае можно ожидать от него помощи	<i>Прогневить Господа Бога, Бога не прогневить, Бога не бояться и др.</i>	12	2,75
Бог слышит людские молитвы	<i>Богу помолиться, молись Спасу, услышал Господь молитву (чью) и др.</i>	43	10,1
Перед Богом нужно быть предельно искренним	<i>Как перед Богом</i>	2	0,55
О Боге не следует забывать	<i>Бога знает (кто), безбожный и др.</i>	8	1,8
У Бога нужно просить прощения за грехи	<i>Прости Господи, Бог простит и др.</i>	3	0,75
Именем Божиим можно усовестить человека	<i>Бог с тобой, Господь с тобой, Бог с вами и др.</i>	21	4,7
Божьим именем просят милостыни	<i>Христа ради, Христовым именем и др.</i>	4	0,95
К Богу можно послать, когда имеется в виду нечто недостижимое	<i>К Богу</i>	2	0,15
Праведная служба царю и отечеству угодна Богу	<i>Служить царю и Богу</i>	1	0,2
ИТОГО		443	100

Таким образом, ФК «Бог» имеет следующую структуру:

— понятийный аспект: Творец, Создатель, Вседержитель, единый в трех лицах;

— образный аспект: Бог-отец вершит все происходящее, все осуществляется с его ведома и по его воле. Иисус Христос ходит под видом нищего странника по земле и испытывает людей: насколько они честны, милосердны, усердны в выполнении воли Божьей; жизнь после смерти организует как большое крестьянское хозяйство: каждый исполняет свою работу, подчиняясь его приказам как отца и хозяина;

— аксиологический аспект: Бог справедлив и милосерден; покровительствует бедным и обиженным, богатых не одобряет, наказывает лицемерных, злых.

ФК, закрепляющий в языковом сознании представление о противостоящей Богу силе, имеет в фольклорной картине мира имя «Черт». Это можно утверждать исходя из частотности употребления этого слова в сказочных текстах (см. табл. 2) и рассматривать как одно из отличий фольклорной концептосферы от общекультурной, в которой концепт имеет наименование «Сатана». Такая номинация встречается в сказках значительно реже и обозначает, как правило, главного, самого старого черта или властителя тьмы, например: *«Ты в воду, и я за тобой!» — говорит жена. — «Коли так, сними с себя крест». Она сняла крест, бух в прорубь — и очутилась в больших палатах. Сидит там сатана на стуле; увидал молодуху и спрашивает ее мужа: «Кого привел?» — «Это мой закон!» — «Ну, коли это твой закон, так ступай с ним отсюда вон! Закона нельзя разлучать»* («Неосторожное слово»). Герой этой сказки был проклят собственной матерью и поэтому оказался у чертей. Как видно, изображение сатаны, несмотря на всю его инфернальность, здесь связано с обычными бытовыми деталями (*прорубь, большие палаты, сидеть на стуле*). Подчеркивается важная деталь: чтобы оказаться у него, необходимо снять крест.

При помощи слова *черт* в сказке обозначаются представители нечистой силы разного ранга. Нечистая сила — это отзвук язычества, по сути, бывшие верховные божества, поменявшие свой статус и ставшие бесами, а также низшие мифологические существа языческого сознания. Появление в русской народной сказке черта (или беса) как героя может рассматриваться, с одной стороны, как отражение постулируемого христианством вечного противоборства Бога и сатаны, а с другой — как следствие изменений в мировоззрении, в результате которых прежние языческие божества приравниваются к низшим мифологическим существам, и все вместе они приравниваются к нечистой силе, уподобляются падшим ангелам христианства.

Лексика, служащая средством вербализации ФК «Черт», представлена в табл. 2.

Таблица 2

Именования черта (чертей)	Количество	%
Черт (черти), чертенок	112	69,5
Бес, бесенок	10	6,1
Нечистый, нечистые	21	13
Окаянные	2	1,2
Проклятые	3	1,8
Нечистый дух	2	1,2
Нечистая сила (по отношению к чертям), неверная сила	4	2,4
Сатана	6	3,6
Бесовская сволочь	1	0,6
Босоногие	1	0,6

Таким образом, понятийная составляющая ФК «Черт» содержит представление о нем как о злой, нечистой силе, смущающей человека и противостоящей силе Божественной. В образном аспекте ФК «Черт» отражает народные взгляды на его внешность (может принимать различный облик), функцию (вредит человеку и толкает его на неблагоприятные поступки), возможности (достаточно силен, может быстро перемещаться в пространстве, материализовывать различные предметы, проникать в труднодоступные места и т. п.). В оценочном же плане черт рассматривается негативно, при этом подвергается осмеянию: он проигрывает положительному герою сказки, бывает им обманут и побежден.

«Семья», безусловно, является концептом, и ее устройство, иерархия членов семьи может ярко характеризовать менталитет народа, в нашем случае — русского. Феномен «Семья» обладает такими признаками когнитивной единицы, как оперативность, содержательность, системность и др., совмещая в себе характеристики общечеловеческого и культурно маркированного концепта.

В рамках субконцептосферы «Семья» в сказочных текстах отражается не все многообразие взаимоотношений между ее членами, многое является нерелевантным, не участвует в формировании ФК. Базовыми для фольклорной картины мира, вербализуемой в русских народных сказках, являются отношения между мужем и женой, родителями и детьми, братьями и сестрами. Взаимоотношения между родителями и детьми в русской народной сказке могут строиться по-разному:

1) Бездетные герои сказок страдают и стремятся стать родителями, считая семью без детей неполноценной: *Худое житье было старику со старухой! Век они прожили, а детей не нажили; смолобу еще пребыва-*

лись так-сяк; состарились оба, напиться подать некому, и тужат, и плачут («Терешечка»); *В некотором царстве, в некотором государстве жил-был царь с царицею; детей у них не было. Стали они бога молить, чтоб создал им детище во младости на поглядение, а под старость на прокормление; помолились, легли спать и уснули крепким сном* («Иван Быкович»). Негативное отношение к семье без детей в народном представлении иллюстрируют лексемы *худое житье, так-сяк, тужат, плачут*, имеющие в своей семантической структуре отрицательные элементы. Сказка приводит народную аргументацию необходимости детей в семье (*во младости на поглядение, а под старость на прокормление*). Примечательно, что при объективной необходимости иметь кормильцев в старости в сказочном тексте говорится и о радости, которую родители получают от еще малых детей. Если лексему *поглядение* истолковать как «присмотр, уход», то и в этом случае подразумевается радость от общения с младенцем.

2) Иногда старик со старухой, которые не могут уже стать родителями в силу возраста, добывают себе дитя каким-либо необычным способом (лепят из снега или из глины — «Снегурочка», «Глиняный парень», создают из дерева — «Терешечка» — или собственной плоти — «Мальчик с пальчик»). Но возможен и абсолютно реальный выход из положения: взять ребенка на воспитание. При этом в сказках отмечаются и «подводные камни» такого решения: *Жил-был старик со старухой; у них не было детей, а взяли к себе приемыша. Когда приемыш вырос, то люди сбили его отойти от них* («Жар-птица и Василиса-царевна»). Описанная ситуация предполагает не столько неблагодарность, сколько неопытность ребенка, которого подтолкнули оставить приемных родителей посторонние. Сказка не говорит об их враждебности или недоброжелательности, они именуются просто *людьми*, однако в контексте в значении слова актуализируются фоновые коннотативные семы 'чужие', 'посторонние'.

3) Дети служат родителям утешением, даже когда растут в нужде. Такое бывает, когда их мать остается вдовой: *Жил-был старик со старухой среди поля. Пришел час: мужик богу душу отдал; а старуха погодя немного места родила семь близнецов-однобрюшников, что по прозванию семь Симеонов. Вот они растут да растут, все один в одного и лицом и статьями, и каждое утро выходят пахать землю все семеро* («Семь Симеонов»). Выражение *все один в одного и лицом и статьями*, на первый взгляд, описывает лишь похожесть братьев, однако оно подразумевает и их пригожесть. Внешнюю привлекательность подкрепляет указание и на трудолюбие братьев (*и каждое утро выходят пахать землю все семеро*), что особенно ценно для крестьянской семьи.

4) Расценивая детей как божий дар, как утешение в старости, родители хотят перед смертью наставить их, чтобы они смогли жить без них и не пропали; выстояли в беде: *Жил-был мужик. Умирает у него отец и*

говорит: — *Ты, мой сын, живи так: чтобы ты никому не кланялся, а тебе бы все кланялись, и калачи бы ел с медом!* («Завещание»). В данном примере приводится совет-завещание отца, носящий афористический характер и направленный на то, чтобы жизнь сына была обеспеченной. В качестве его особенности следует отметить лаконичность и афористичность: такой совет практически представляет одно предложение.

5) Как правило, оба родителя трепетно относятся к своему ребенку и готовы многое простить человеку или существу, которое помогает ему: *Мать уж так рада-радешенька. — Теперь, — говорит, — я этого пса ни за что не покину! Привела собаку домой, налила молока, накрошила хлеба: — На, покушай! А мужику говорит: — Вот, муженек, эту собаку надо беречь да кормить: она нашего ребенка у медведя отняла* («Медведь и собака»). В первом из приведенных примеров мать меняет отношение к старому псу за то, что он спас ее ребенка. Эта мысль выражена сложным бессоюзным предложением, вторая часть которого объясняет причину того, о чем говорится в первой.

6) Однако родители не всегда любят всех детей одинаково. Сказочный младший брат-дурачок порой не только терпит обиды от братьев, но и обделяется собственными родителями: *Был себе дед да баба: у них было три сына: два разумных, а третий дурень. Первых баба любила, чисто одевала; а последний завсегда был одет худо — в черной сорочке ходил. Старшие братья решились идти пробовать счастья и попросили у стариков благословения; мать снарядила их в дорогу, давала им белых паляниц, разного мясного и фляжку горелки и выпроводила в путь-дорогу... Мать стала его уговаривать, чтоб не ходил: «Куда тебе, дурню: тебя волки съедят!» Но дурень заладил одно: пойду да пойду! Баба видит, что с ним не сладишь, дала ему на дорогу черных паляниц и фляжку и выпроводила из дома* («Летучий корабль»). Отношение матери выражается через уход за ребенком: как она одевает и кормит его. Используется антитеза: *чисто одевать — худо одевать, в черной сорочке водить; белые паляницы — черные паляницы*.

7) Родители ждут от детей помощи, иногда обещая за это награду. Именно родительский запрет обычно нарушается детьми, что составляет завязку сказочного сюжета: *«Дочка, дочка! — говорила мать. — Мы пойдем на работу, принесем тебе булочку, сошьем платице, купим платочек; будь умна, береги братца, не ходи со двора»* («Гуси-лебеди»). Естественно, что запрет выражается повелительным наклонением (*будь умна, береги, не ходи*), причем как с отрицанием, так и без него, а обещание награды — глаголами будущего времени (*принесем, сошьем, купим*).

8) В своей слепой любви к детям, желании их иметь родители могут доходить до нелепости. В фольклоре разных народов есть сказки о том, как родители фантазируют, что могло бы случиться с их еще не рожденным ребенком или внуком, если бы он в тот момент находился вместе с

ними. Отмечены они в русском фольклоре: *Старуха сквозь слезы стала говорить ему: — Да вот если бы мы женили своего Лутонюшку, да если бы у него был сыночек, да если бы он тут сидел на загнетке, я бы его ведь ушибла поленом-то!* («Лутонюшка»). Эти ситуации выражают конъюнктивную семантику. Подобные сказки практически полностью состоят из предложений, глаголы-сказуемые в которых употреблены в сослагательном наклонении. Широко используются также сложноподчиненные предложения с придаточными условиями.

9) Обычно дети платят родителям искренней любовью и в свою очередь готовы нести за них ответственность, выручать, если это необходимо, даже в сложных ситуациях, когда мало кто верит, что это возможно. При этом они испрашивают благословление родителей на свое начинание: *... жил-был царь по имени Горох с царицею Анастасьею Прекрасною; у них было три сына-царевича. Сотряслась беда немалая — утащил царицу нечистый дух. Говорит царю большой сын: «Батюшка, благослови меня, поеду отыскивать матушку»* («Три царства — медное, серебряное и золотое»). В подобных сказках обычно оставшийся родитель отговаривает ребенка от опасного похода, но не преуспевает в этом, слыша ответ: «Благословишь — поеду, и не благословишь — поеду». Просьба обыкновенно излагается путем использования сложного предложения, первая часть которого заключает глагол-сказуемое в повелительном наклонении, а вторая — в форме будущего времени.

10) Однако в сказках возможны (хотя и крайне редко) ситуации, когда один из родителей предает своих детей ради любовника или любовницы. Видимо, в этом фольклорная концептосфера наследует, пытается отразить сложность реальной жизни, представленную в этносознании. Иногда это предательство приобретает очень жестокую форму: *Воротилась мать из церкви, пришел барин, сели за стол; смотрит он — нет ни сердца утиного, ни головы... «Зарежь-де своих сыновей, из одного вынь мозги, из другого сердце; а коли не зарежешь — и дружба врозь!» Сказал и ушел от нее; вот она целую неделю томила, а после не выдержала, посылает к барину: «Приходи! Так и быть, для тебя и детей не пожалею!»* («Сказка про утку с золотыми яйцами»). Использование глагола *зарежь*, подчеркнуто прямо называющего способ убийства, свидетельствует о цинизме и равнодушии барина-любовника. В ответе матери содержится лексема *не пожалею*, что подчеркивает полный выход героини за рамки, очерченные ФК «Мать». Речь не идет о любви к детям, ибо мать решается на страшный шаг, она даже жалости к детям не ощущает, ослепленная страстью. Решимость ее подчеркивает использование устойчивого выражения *так и быть*. В финале сказки зло традиционно наказывается, но в приведенном эпизоде героиня совершает не характерные для сказочной матери действия, нарушая национально-культурный стереотип, лежащий в основе ФК «Мать».

Тематическая классификация лексико-фразеологических единиц (ЛФЕ) вербализации ФК «Семья» в русской народной сказке включает следующие группы ЛФЕ:

- 1) описывающие иерархию членов семьи и их обязанности;
- 2) отражающие взаимоотношения между супругами;
- 3) отражающие взаимоотношения между родителями и детьми;
- 4) отражающие взаимоотношения между братьями и сестрами;
- 5) отражающие взаимоотношения между неродными родителями и детьми (мачехой, отчимом и пасынком, падчерицей) и сводными братьями и сестрами.

Как видим, содержание лексико-фразеологических средств ФК существенно отличается от общекультурного, в нем отсутствуют, например, ЛФЕ, описывающие взаимоотношения между тестем, тещей и зятем, свекром, свекровью и невесткой, психологические особенности связей между членами семьи, представленные в русском литературном языке; имеют разную глубину наполненности группы ЛФЕ, например, пятая.

В сказках детям предписывается оказывать родителям помощь и заботу, исполнять их наказ и благословение. Любовь, согласие выражаются с помощью ласковых обращений, например: *детушки, дети мои, любезные дети*. Характерно использование существительных с уменьшительными суффиксами: *сынчик, сыночек, Заморышек, Терешечка, мое дитятко*. Дети называют родителей любовно, уважительно; отца — *батюшка, милостивый государь батюшка*, мать — *матушка, родная матушка, мать моя родимая*.

Итак, основным средством вербализации ФК служат единицы лексического уровня языка, что обусловлено спецификой народной сказки как жанра фольклора (отсутствие автора, существование в устном исполнении, необходимость следования исполнителем народно-поэтической традиции, возможность импровизации). В связи с этим другие языковые средства (морфологические, синтаксические, стилистические и пр.) больше подвержены варьированию, в то время как лексико-фразеологические закрепляют в языке ядерную часть концепта и потому сохраняются в неизменном виде, заменяясь лишь синонимичными средствами.

ФК может вербализоваться и полностью всем текстом народной сказки. Это связано с одной из функций сказки — учительной. Поучение, мораль, которую следует усвоить, выводится в результате изложения всего сказочного сюжета. Поэтому образная и оценочная составляющие того или иного ФК могут быть выделены лишь в результате анализа сказки как фольклорного произведения в целом.

Основным в христианской концептосфере, отраженной в тексте русской народной сказки, является ФК «Бог». Его вербализация происходит через номинативы *Бог, Господь, Спаситель, Спас, Христос*, а также через глаголы, обозначающие речь, и прилагательные, дающие описа-

ние как самому Господу, так и людям, с которыми он общается в сказке. В вербализации этого концепта велика роль фразеологических единиц, многие из которых имеют десемантизированный характер. Имена концептов «Ангел» и «Апостол», представляя собой часть сказочной христианской концептосферы, способствуют углублению вербализации концепта «Бог». При этом им не дается каких-либо описаний: у апостолов и святых есть имена, в остальном же они выступают как спутники Господа, внимающие ему. Святые могут описываться при помощи глаголов, характеризующих присущие им действия (метание молний, хлебопашество, сражение, прядение и т. д.), а также при посредстве приписываемых им высказываний, иллюстрирующих их пристрастие к той или иной стороне человеческой жизни, строгость или милосердие. Ангелы же просто выполняют данные им Богом наказания, их внешность в сказке не описывается.

В сказке Богу противопоставляется нечистая сила, которая выступает под наименованиями *черт, бес, нечистый, лукавый, сатана*. Описание внешности ее представителей может быть различным, поскольку нечистая сила может принимать разный облик, но ей обязательно присущи черты, называемые в сказке, — это рога, копыта и хвост, по которым она может быть распознана. При вербализации этого концепта широко используются глаголы, так как нечистая сила очень деятельна, а также фразеологические единицы, которые подвергаются буквализации, т. е. употреблению в значении исходного свободного словосочетания (*черт возьми, поди к черту* и под.).

Человек и природа как творения Божьи в сказке вербализуются как категории взаимосвязанные, но находящиеся в сложных взаимоотношениях. С одной стороны, природа рисуется как враждебная человеку сила, с которой он не всегда может справиться (неурожай, различные препятствия — реки, горы, лес), с другой — она победима и может даже служить человеку (взаимоотношения с животными, сады, поля и др.). Широко используются для вербализации концепта «Природа» дендронимы и зоонимы, реже встречаются гидронимы. Человек вербализуется в сказке как член общества, включенный в сословные отношения, и как член семьи, включенный в отношения семейные. Для вербализации концепта «Человек» в этих ипостасях используются значительный корпус лексико-фразеологических средств, синтаксические, морфологические и стилистические средства, а также фольклорные тексты в целом.

Человек выступает в сказке и как творец. Он создает рукотворный мир: собственный дом, различные постройки, предметы. Значительную роль играют волшебные помощники как часть рукотворного мира. Концепт «Храм» появляется в сказке с принятием православия. Он реализуется при помощи определений, дающих ему описание, глаголов, которые вербализуют совершающиеся в нем действия, существительных, обо-

значающих его части и убранство. В сказке храм номинируется как *собор* или *церковь* и выполняет специфические функции: защиты, оберега; места совершения предначертанного; традиционную — места богослужения.

В третьей главе «Идиоматика и специфические средства структурирования русской народной сказки как отражение этноязыковой картины мира» классифицируются языковые средства структурирования русской народной сказки как отражения этноязыковой картины мира: зачины, концовки, сказочные формулы, пословицы и поговорки, фольклорные афоризмы и др. Стереотипность языка сказки является общепризнанным в науке фактом. Она сохраняется во многом благодаря традиционным сказочным формулам. В предисловии к сборнику «Народные русские сказки» А. Н. Афанасьева В. Я. Пропп пишет: «Он стоял на точке зрения неприкосновенности текста и лишь в отдельных случаях вносил некоторые редакционные поправки в текст издаваемых им рукописей»¹. Сборник А. Н. Афанасьева, ставший основным источником нашего исследования, отличается максимальным сохранением народной формы сказок. Разумеется, необходимо учитывать такие факторы, как отсутствие технических средств, позволяющих записать сказочный текст со слов рассказчика предельно точно, и в связи с этим некоторое воздействие на текст со стороны собирателей, влияние сказок литературного происхождения и обработок сказок писателями.

Однако все это практически не затронуло сказочные формулы, которые существуют и в репертуаре современных сказочников. Анализируя язык русской народной сказки, мы предприняли попытку создания семантико-структурной классификации языковых средств, группы которых также могут считаться сказочными формулами. Формулы определяют своеобразие сказочного стиля. Особое внимание обращают на себя вводные и заключительные формулы, поэтому им посвящены отдельные параграфы. Так, традиционна сказочная формула призыва волшебного помощника коня, хотя она и допускает варианты: — *А ты выйди в чистое поле, в широкое раздолье, свистни три раза молодецким посвистом, гаркни богатырским покриком: «Сивка-бурка, вещий каурка, стань передо мной, как лист перед травой!» — я тут и буду («Сивка-бурка»); Лежит на могиле; в полночь опять старик вышел, уж знает, что тут Иван-дурак, гайкнул богатырским голосом, свистнул молодецким посвистом: «Сивко-бурко, вещий воронко!» («Сивко-бурко»).*

Формулы, связанные с Бабой-Ягой, по мнению В. Я. Проппа, отражают весьма древние представления людей, связанные со страхом смерти, переходом из царства живых в царство мертвых, охранителями по-

¹ Пропп, В. Я. Предисловие // Народные русские сказки А. Н. Афанасьева в трех томах / В. Я. Пропп. — М., 1958. — С. 3.

рога. Исследователь рассматривает Бабу-Ягу как стража этого перехода из одного царства в другое. Чтобы живому попасть туда, необходимо преодолеть границу, соблюдая при этом определенные правила, которые нужно прежде всего знать. И первым шагом на этом пути является заклинание избушки, которое позволит войти в нее: *И вот выходит Марьюшка на поляну и видит: стоит избушка на курьих ножках — вертится. Говорит Марьюшка: — Избушка, избушка, встань к лесу задом, ко мне передом! Мне в тебя лезть, хлеба есть* («Финист — Ясный сокол»); — *Избушка, избушка, повернись к лесу задом, ко мне передом! Как мне в тебя зайти, так и выйти* («Сказка о молодильных яблоках и живой воде»); Иван-царевич сказал: «*Избушка, избушка! Стань по-старому, как мать поставила*» («Звериное молоко»).

Эта сказочная формула необходима для того, чтобы поворачивающаяся «кругом себя» избушка позволила герою войти на стороне живых, а выпустила бы его, повернувшись, на стороне мертвых. Следует отметить, что герой просит избушку повернуться к нему *передом*, а к лесу *задом* (вариант — *стань по-старому, как мать поставила*). На стороне царства мертвых, таким образом, находится лес, который символизирует здесь «чужое пространство».

С точки зрения семантики сказочные формулы, исключая зачины и концовки, можно разделить на несколько групп (табл. 3).

Таблица 3

Формула	Значение	Лексические средства
<i>Откуда ни взялся; не-откуда взялся; близко ли, далеко ли, долго ли, коротко ли; ни много, ни мало прошло времени</i>	Неопределенность времени и пространства	Антонимические пары (<i>близко / далеко, долго / коротко, много / мало</i>), члены которых противопоставлены по количественному признаку; устойчивая конструкция <i>откуда ни возьмись</i> в ее разных формах
<i>За тридцать земель, в тридцатом царстве</i>	Удаленность в пространстве	Специфические сказочные числительные
<i>Ни вздумать, ни взгадать, ни в сказке сказать, ни пером описать</i>	Примечательность внешнего облика (красота)	Синонимы (<i>вздумать, взгадать</i>), слова одной тематической группы (<i>сказка, сказать; перо, описать</i>)
<i>Мужичок сам с перст, усы на семь верст; старичок сам с ноготок, борода с локоток; баба-яга костяная нога</i>	Особые свойства персонажа (мифоконцепта)	Рифмованные выражения описательного характера могут иметь в своем составе в качестве элемента сравнение

Формула	Значение	Лексические средства
<i>По щучьему веленью, а по моему прошенью; Сивка-бурка, вещая каурка! Стань передо мной, как лист перед травой</i>	Специфическое обращение-призыв	Рифмованные заклипания
<i>По сказанному, как по писаному; сказано — сделано; Не по годам, не по дням, а по часам, по минутам; не по годам, а по часам</i>	Особенности протекания действия	Конструкции с противопоставлением лексем по какому-либо признаку. Противопоставленные лексемы, обозначающие промежутки времени

Рассмотрим подробнее приведенные формулы:

1) Неопределенность времени и пространства: *Откуда ни взялся отличный конь, бежит — земля дрожит* («Свинка золотая щетинка, утка золотые перышки, золоторогий олень и золотогривый конь»); *Ехал он близко ли, далеко ль, скоро ли, коротко ль, очутился у государева дворца, соскочил наземь, привязал богатырского коня за кольцо к дубовому столбу и велел доложить царю про свой приезд* («Волшебный конь»); *Ни много, ни мало прошло времени, узнала Елена Прекрасная, что грозный царь ее обманом взял, что сила у него не великая, что люди над нею насмеяются: Никита-де с царевною три ночи спал!* («Безногий и слепой богатыри»). Подобные конструкции подчеркивают не только неизвестность точного ответа на вопрос, когда, где и как долго происходило описываемое в сказке событие, сколько прошло времени, откуда появился тот или иной герой и т.д., но и неважность этого в данном случае.

2) Удаленность в пространстве: *Едут всё вперед да вперед — и заехали за тридевять земель в тридесятое царство, в иинее государство — аж там лежжит Сученкова стрелка* («Иван Сученко и Белый Полянин»). Подобные формулы имеют значение либо «далеко», либо «неизвестно где» (а значит, невероятно).

3) Примечательность внешнего облика (красота): *Стал Иван водить свою лошадь каждое утро и каждый вечер в зеленые луга на пастбище, и вот как прошло двенадцать зорь утренних да двенадцать зорь вечерних — сделалась его лошадь такая сильная, крепкая да красивая, что ни вздумать, ни взгадать, разве в сказке сказать, и такая разумная — что только Иван на уме помыслит, а она уж ведаёт* («Волшебный конь»); *Та взяла у него яблочко, съела и сделалась такая красавица, что ни в сказке сказать, ни пером написать* («Роса»). В данной формуле реализуется семантика вы-

сокой степени проявления признака: «нет равных»; «нигде подобного не найдешь»; «нет в реальной жизни». При этом элементы *ни в сказке сказать, разве в сказке сказать* дополнительно иллюстрируют народные представления о сказке: в ней бывает то, что в действительности невозможно, а значит, еще раз признается установка сказки на вымысел, невероятные события.

4) Особые свойства персонажа (мифоконцепта): *Приехал он к одной реке; у той реки стоит избенка. Тут попадаетея ему навстречу мужичок сам с пёрст, усы на семь верст и говорит ему: «Отдай мне коня; а коли не отдашь чество, то насилкой возьму!»* («Иван крестьянский сын и мужичок сам с перст, усы на семь верст»).

Подобные формульные описания рисуют традиционные сказочные образы, составляющие систему русской народной сказки. Они реализуются как мифоконцепты: подобные существа (Кощей; Яга; мужичок сам с перст, усы на семь верст; старичок сам с ноготок, борода с локоток; сказочный конь; змей; чудо-юдо и др.) не существуют в реальности, их никто не видел, однако любой носитель русского языка и культуры имеет о них представление. Ему известно, как выглядят подобные существа, какова их роль в сказке (добрый/злой персонаж), какой у них характер, привычки и т. д. И связано это с тем, что описание их стандартизировано, оно переходит из сказки в сказку: *Долго ли, коротко ли — прилетает к избушке, входит — в избушке сидит Баба-Яга костяная нога, старая, беззубая* («Заколдованная королевна»); *Как уехал сын, так чрез два ли, три ли месяца жена его родила: по локти в золоте, по бокам часты звезды, во лбу светел месяц, против сердца красно солнце* («Косоручка»).

Названные формулы описывают внешность героя или героини и носят констатирующий характер. Это статичные описания, что подчеркивает постоянность такой характеристики: сказочная красавица всегда именно такова: *красоты неописанной; у нее тело белое, уста сахарные и т.п.* Костеность же бабы-яги, как и ее старость (даже древность), тоже в качестве общеизвестного образа входит в русское этноязыковое сознание.

Описание же, содержащее предикативные сочетания, характеризует героя в динамике. Вполне оправданно это в эпизоде со сказочным конем, который лишь в движении может проявить свою силу и мощь: *Сивко бежит, только земля дрожит, из очей искры сылются, из ноздрей дым столбом* («Сивко-бурко»). То же касается сказочных формул, описывающих сказочных чудищ и невероятных существ: *Вдруг Гриб-птица летит, как гора валит, подхватила пададь, понесла в тридешатое государство и бросила своим детенышам, а сама полетела опять за добычею* («Заколдованная королевна»). В особенности такое описание важно, если сказочное существо имеет образ реальный: в данном случае это птица, но птица необычная. Формула же указывает на ее сказочную особенность.

5) Специфическое обращение-призыв (заклинание): *Дурак, видя, что все люди как люди, а он один был нехорош и глуп, захотел сделаться лучшим и для того говорил: «По щучьему веленью, а по моему прошенью кабы я сделался такой молодец, чтоб мне не было подобного и чтоб был я чрезвычайно умен!»* («Емеля-дурак»); *После того старик свистнул-гаркнул богатырским посвистом, молодецким покриком: «Сивка-бурка, вещая каурка! Стань передо мной, как лист перед травой!»* («О Иванушке дурачке»). Сказочные формулы такого типа представляют собой заклинания, обращенные к волшебному помощнику. Это или призыв к нему, или «волшебные слова», благодаря которым герой добивается исполнения своей воли.

6) Особенности протекания действия: *Сказано — сделано; добыл дурак кобылицу златогривую с двенадцатью жеребятками и раскинул шатер; сам в шатре сидит, кобылица к столбу привязана* («Свинка золотая щетинка, утка золотые перышки, золоторогий олень и золотогривый конь»); *Тогда Кузенька по сказанному, как по писаному, пошел вместе с тестем в зеленый сад, и стали они в тот дуб стрелять и убили царя Змиулана до смерти* («Козьма Скоробогатый»). Такие формулы построены на антитезе и имеют сравнительный характер либо (если являются предикативными единицами) содержат причинно-следственную связь. Они также добавляют существенный штрих к русской фольклорной языковой картине мира: в них противопоставляется слово и дело, а также сказанное и написанное. Причем в обоих случаях сказанное рассматривается как более легковесное по сравнению со сделанным и написанным: оно предваряет дело (*сказано — сделано*), причем это формульное выражение обладает положительно окрашенной семантикой именно за счет семы «не расходиться с делом». Приблизительно такой же взгляд отражается в уже упоминавшейся формуле *скоро сказка сказывается, не скоро дело делается*. Что же касается противопоставления сказанного и писаного, то в данном случае первое предваряет второе, т.е. служит своеобразной «инструкцией». Таким образом, «писаное» четче сказанного, на него проще и правильнее ориентироваться.

7) Необычную скорость протекания действия: *Начал этот Иван расти не по годам, а по часам — как пшеничное тесто на опаре подымается; и приходит ему каждый месяц по почте по сту рублей царского жалованья* («Волшебный конь»); *И растет этот сын не по годам, не по дням, а по часам, по минутам* («Морской царь и Василиса Премудрая»). В формулах такого типа противопоставляются временные промежутки: более длинные — более коротким. Обычно действие протекает гораздо быстрее, чем это происходит в реальности. Как правило, это рост ребенка, причем ребенка необычного. Именно так его необычность, отличие по происхождению от других и проявляется.

Фольклор является одним из средств распространения традиционной культурной информации через свойственную ему картину мира.

Наряду с особой фразеологией сказки обладают собственными, свойственными жанру структурными элементами: присказками, зачинами, повторами, поговорками и т. п. Это могут быть и своеобразные рифмованные рефрены, которые неоднократно повторяются в пределах той или иной сказки, например: *Шли-шли — солнце высоко, колодец далеко, жар донимает, пот выступает* («Сестрица Аленушка и братец Иванушка»). Язык сказки в целом характеризуется формульностью. Формулы встречаются в любой части сказки — в начальной, средней, финальной. Основная их функция — композиционная. Формулой может считаться речевая единица, которая неоднократно повторяется в одной или в нескольких сказках, например: *Искала, искала (лягушечью кожу) — не нашла и говорит Ивану-царевичу:*

— *Ах, Иван-царевич, что же ты наделал! Если бы ты еще три дня подождал, я бы вечно твоею была. А теперь прощай, ищи меня за тридевять земель, за тридевять морей, в тридесятом царстве, в подсолнечном государстве, у Кошца Бессмертного. Как три пары железных сапог износишь, как три железных хлеба изгрызеешь — только тогда и разыщешь меня...* («Царевна-лягушка»); — *Я, бабушка, из такого-то царства, из такого-то государства, царский сын Иван-царевич. Еду за тридевять земель, за тридевять озер, в тридесятое царство за живой водой и молодильными яблоками* («Сказка о молодильных яблоках и живой воде»). Это обусловлено спецификой сказочного жанра: неопределенностью пространства и времени, психологической неразработанностью характеров, наличием особых условностей, принимаемых слушателями как данность. Формулы служат заменой всему вышеназванному.

Классифицировать идиоматику народной сказки можно на различных основаниях: по семантике, структуре, по формальной выраженности. Мы избрали традиционный структурно-семантический критерий, согласно которому выделили следующие группы: 1) зачины (*В некотором царстве, некотором государстве, а именно в том, в котором мы живем, жил-был досюль помещик* — «О Ваське-Муське»); 2) концовки (*Пришли оба домой, стали жить да поживать да денежки наживать*. — «Кот, петух и лиса»); 3) сказочные формулы (— *Избушка, избушка, — молвил Иван, подув на нее, — стань к лесу задом, ко мне передом!* — «Сказка о Василисе, золотой косе, непокрытой красе, и об Иване Горохе»); 4) фольклорные афоризмы, молитвы, заговоры, цитации (*И сказал ему старик: «При радости не радуйся; при страсти не страшись; подними, да не опусти!»* — «Доброе слово»); 5) рифмованные формулы («*Эх, — говорит, — одну беду с шеи свалил, а другая навалилася; посылает меня король туда — не знаю куда, велит принести то — не знаю что. Через твою красу все напасти несусь!*» — «Пойди туда — не знаю куда, принеси то — не знаю что»); 6) пословицы и поговорки (*Смекнула тут баба, что, пока она ноги била, за решетом ходила, дым в дверь ушел, и закорила сама себя: «За дур-*

ной головой — *ногам работа!*» — «За дурной головой — ногам работа!»); 7) фразеологические единицы (*Стрелец подошел к горе, otvorил дверь — в пещере так темно, хоть глаз выколи!* — «Пойди туда — не знаю куда, принеси то — не знаю что»); 8) выражения с синонимичными лексемами (*Ребенок закричал, бабы бросились за медведем, догоняли, догоняли, не могли догнать, так и воротились. Мать плачет, бабы тужат.* — «Медведь и собака»); 9) выражения с тематически близкими лексемами («*Ах, красные девицы, не дали мне с дальнего походу отдохнуть, да начали спрашивать. Вы бы прежде меня накормили-напоили, отдохнуть положили, да тогда бы и вестей спрашивали.*» — «Пойди туда — не знаю куда, принеси то — не знаю что») и т. п. Некоторые из этих групп могут быть объединены, например, концовки и зачины являются сказочными формулами, к ним примыкают рифмовки; пословицы и поговорки при широком понимании фразеологии могут быть включены в нее; то же касается единиц с синонимичными и тематически близкими лексемами. Однако мы руководствовались еще и функциями, которые выполняют в сказочном тексте единицы того или иного разряда и которые различаются у единиц разных разрядов.

Зачины и концовки выделены нами из группы сказочных формул, поскольку они играют важную композиционную роль, порой противопоставляясь друг другу. Так, зачины направлены на включение слушателя в действие, перенесение его в сказочный мир и одновременно на утверждение нереальности этого мира. Это достигается использованием сочетаний *в некотором царстве, в некотором государстве*, что сразу подчеркивает чужеродность окружающего. Сказочные концовки могут содержать как своеобразный отказ сказочника от сообщенного, подчеркивание невозможности того, о чем он только что поведал, так и, напротив, своеобразную попытку убедить слушателя в том, что все, о чем говорилось в сказке, произошло на самом деле. Первое возможно при помощи различных прибауток, а также концовок, содержащих алогизм (*и я там был, мед-пиво пил, по усам текло, а в рот не попало*), второе же — посредством утверждения того, что герои *и теперь живут*.

Другие сказочные формулы формируют сказочное пространство. Они являются своеобразной заменой сообщением о том, когда и где все происходило (*долго ли, коротко ли; не далеко, не близко, не высоко, не низко* и под.), о скорости и способе протекания действия. Формулы выступают в качестве заговора, призыва, обращенного, как правило, к волшебному помощнику. Значительную роль сказочные формулы играют в формировании ФК, которые своим существованием обязаны именно тому, что для них существует стандартный набор признаков и свойств, описываемых формулами. Функция рифмованных формул связана прежде всего с композиционным строем сказки, ее особым складом. Все сказочные формулы являются фиксацией в языковой картине мира особенностей рус-

ского менталитета, так как выражают установленные в данном этносе взгляды на мир и место в нем человека.

Представляется возможным остальные выделенные нами группы единиц (фразеологические единицы, пословицы и поговорки, фольклорные афоризмы, выражения с синонимичными и тематическими близкими лексемами) сгруппировать вокруг фразеологических единиц, так как все они обладают свойством определенной устойчивости. Для семантики первых трех групп характерна назидательность, в них зафиксированы точные бытовые наблюдения (*Князь за нею; хотел было допытаться, кто она такова, а ее и след простыл!* — «Чернушка»); — *То-то, прости... Ладно, садись на меня. Взлясь за гуж, не говори, что не дюж* — «Иван-царевич и серый волк»); *Похвальные речи всегда гнилы; старуха-то выдавала себя за колдунью, а какая колдунья!* — «Народный анекдот»). Если среди единиц двух последних групп также могут быть выделены полноправные фразеологизмы (*Старуха пошла дальше путем-дорогой.* — «Как старуха нашла лапоть»); *«Где же это видано, где же это слыхано: от живого мужа жену отбивать! Каков ни на есть, хоть простой стрелец, а мне он — законный муж».* — «Пойди туда — не знаю куда, принеси то — не знаю что»), то фольклорные афоризмы (*Всем ведомо, что баба хитрее черта.* — «Морской царь и Василиса Премудрая») не обладают таким свойством фразеологических единиц, как повторяемость, существование в готовом виде. При этом все названные единицы выполняют в сказочном тексте изобразительно-выразительную функцию. Именно они являются одним из основных средств формирования русской фольклорной языковой картины мира.

Четвертая глава «Основные фольклорные концепты в русском языковом сознании современного человека») посвящена анализу результатов лингвистического эксперимента, в рамках которого было опрошено 467 студентов волгоградских вузов. Результаты эксперимента показали, что существует группа сказок, знакомая практически всем респондентам. Исключив упомянутые менее 10 раз названия сказок, мы получили результаты, показанные в табл. 4.

Таким образом, наибольшее количество раз были упомянуты кумулятивные сказки, которые большинству опрошенных памятни с детства. Среди сказок, названных не менее чем 10 % респондентов, прежде всего волшебные и о животных, бытовые же практически отсутствуют. Это свидетельствует о том, что в языковом сознании современных носителей языка сказка закреплена прежде всего как произведение, предназначенное для детей и выполняющее познавательно-развивающую функцию, а также служащее для усвоения морально-нравственных общественных норм и для развлечения. Определенную роль играют, видимо, и лингвистические характеристики названия: чаще в памяти респондентов всплывают однословные онимы и простые словосочетания, а также названия формульного характера.

Таблица 4

№ п/п	Название сказки	Общее кол-во	%
1	«Колобок»	342	73
2	«По щучьему велению»	266	57
3	«Курочка Ряба»	170	36
4	«Репка»	148	32
5	«Царевна-лягушка»	135	29
6	«Теремок»	133	28
7	«Гуси-лебеди»	132	28
8	«Волк и семеро козлят»	68	14,5
9	«Иван-царевич и серый волк»	56	12
10	«Три медведя»	56	12
11	«Морозко»	54	11,5
12	«Сестрица Аленушка и братец Иванушка»	50	11
13	«Лиса и волк»	45	10
14	«Сивка-бурка»	34	7
15	«Лиса и журавль»	28	6
16	«Крошечка-Хаврошечка»	24	5
17	«Василиса Премудрая»	21	4,5
18	«Василиса Прекрасная»	20	4
19	«Иван-дурак»	19	4
20	«Снегурочка»	19	4
21	«Маша и медведь»	18	4
22	«Золотая рыбка»	16	3
23	«Медведь на липовой ноге»	15	3
24	«Кот, лиса и петух»	14	3
25	«Кощей Бессмертный»	13	3
26	«Каша из топора»	12	2,5
27	«Пойди туда — не знаю куда, принеси то — не знаю что»	11	2

Среди названных сказочных героев наибольшее количество раз упомянуты следующие (см. табл. 5):

Таблица 5

№ п/п	Герой	Общее кол-во	%
1	Иван-дурак	217	46
2	Баба-Яга	196	42
3	Кошеч Бессмертный	160	34
4	Лиса	140	30
5	Серый волк	132	28
6	Иван-царевич	114	24
7	Аленушка	113	24
8	Колобок	113	24
9	Василиса Прекрасная	88	19
10	Василиса Премудрая	74	16
11	Медведь	69	15
12	Дед и баба	65	14
13	Емеля	64	14
14	Заяц	54	11,5
15	Змей-Горыныч	41	9

Полученные результаты позволяют утверждать, что в русском языковом сознании сформированы следующие ФК: «Баба-Яга», «Кошеч Бессмертный», «Змей Горыныч» и т. п.; существует определенный набор качеств и оценок, приписываемый героям сказок — животным, что подтверждают такие приведенные в анкетах наименования, как *заюшка, лиса Патрикеевна, Михайло Потапыч, серый волк*, и традиционным сказочным персонажам — людям: *Иван-дурак, Иван-царевич, Василиса Прекрасная, Василиса Премудрая, сестрица Аленушка*. Именно доминирование на аксиологическом уровне ФК определенного качества (ума, глупости, хитрости, кротости, трусости, незащитности и др.) включает его в языковую картину мира современных носителей языка.

Из лексики сказочного текста при значительном общем количестве слов, словосочетаний и более крупных единиц (всего 357) наиболее часто называются сказочные формулы и регулярно повторяющиеся выражения, например, в кумулятивных сказках (см. табл. 6).

Это связано с заключенной в данных единицах мудростью, их запоминающейся формой (рифмовка, использование антонимических пар, слов одной тематической группы и т. д.) и регулярностью использования в сказочных текстах.

Среди зачинов и концовок преобладают *жили-были*; в некотором царстве, в некотором государстве; и я там был, мед-пиво пил, по усам текло, а в рот не попало; и стали они жить-поживать и добра наживать; и жили они долго и счастливо и их варианты.

Таблица 6

№ п/п	Сказочные формулы	Общее кол-во	%
1	Жили-были	467	100
2	В некотором царстве, в некотором государстве	385	82
3	И я там был, мед-пиво пил, по усам текло, а в рот не попало	289	62
4	И жили они долго и счастливо	167	36
5	И стали они жить-поживать и добра наживать	76	16
6	По щучьему велению, по моему хотению	74	16
7	Избушка, избушка! Повернись ко мне передом, а к лесу задом!	55	12
8	Колобок, Колобок, я тебя съем!	45	10
9	Утро вечера мудренее	43	9
10	Долго ли, коротко ли	38	8
11	Скоро (быстро) сказка сказывается, да не скоро дело делается	36	8
12	Кто в термочке живет, кто в невысоком живет?	32	7
13	Тянет-потянет — вытянуть не может	32	7
14	Сказка — ложь, да в ней намек, добру молодцу урок!	25	5

При ответе на последний вопрос большинство респондентов отмечают, что мать как героиня сказки обладает практически теми чертами, что приписываются ей в жизни. Из их ответов можно выявить следующие основные образно-аксиологические составляющие фольклорного концепта «Мать»: *добрая, любящая, заботливая, мудрая, ласковая, нежная, всегда помогающая детям и готовая всем пожертвовать ради них*. Опрошенные отмечают, что понятийной составляющей как общекультурного концепта «Мать», так и ФК является представление о матери как о женщине, имеющей детей.

Структуру ФК «Мачеха» по результатам эксперимента можно представить так, как показано в табл. 7:

Таблица 7

Понятийный уровень	Образный уровень	Аксиологический уровень
Жена отца, усыновившая/удочерившая ребенка или просто его воспитывающая, неродная мать	Сживает со света падчерицу, желает ей зла, любит только своих детей, ведьма, толстая, старая, неродная мать, заставляющая выполнять непомерную работу	Злая, сварливая, некрасивая, жадная, плохая, властная, сердитая, несправедливая, отрицательная героиня, жестокая, злобная, черствая, скупая, корыстная, ворчливая, вредная, хитрая, подлая, деспотичная, завистливая, коварная, грубая, ленивая, лицемерная, свонравная

В ответах, касающихся мачехи, отмечается прежде всего обязательная отрицательность этого образа в сказке, в то время как в жизни мачеха не является однозначно злой. ФК «Мачеха», судя по результатам эксперимента, обладает следующими образно-аксиологическими составляющими: *злая, сварливая, коварная, жестокая, вредная, некрасивая, ненавидящая падчерицу или пасынка и любящая родную дочь, жадная, корыстная, завистливая*. Респонденты, подчеркивая различие общекультурного и ФК «Мачеха», фиксируют негативную коннотацию, присущую слову *мачеха* во внефольклорном употреблении, и делают вывод, что причина этого — в сказочной однозначности образа мачехи.

При ответах на вопрос, связанный с концептом «Сестра», респонденты пытались отразить противоречия характера героини, связанные с ее различными ролями в сказке. С одной стороны, сестра может быть героиней положительной, и тогда она *добрая, помощница, работающая, ласковая, поддерживающая своих брата или сестру или страдающая от сводных или родных, но злых сестер*. С другой стороны, сестра может быть противопоставлена доброй героине, и тогда она *злая, завистливая, ленивая, мачехина дочка, коварная*.

Таким образом, в сознании современных носителей языка ФК отделяются от общекультурных. Опрошенные признают, что образный и аксиологический уровни ФК предполагают однозначность оценок, что нехарактерно для общекультурного концепта.

В заключении диссертации подводятся общие итоги исследования. Определяется, что концептосфера русского фольклора представляет собой сложную антропоцентрическую структуру. Ее отражение в текстах русских народных сказок опирается на христианское мировоззрение, народное православие. Составными частями фольклорной концептосферы являются такие субконцептосферы, как «Живая природа», «Неживая природа», «Рукотворный мир», «Общество», «Семья» и др. Фольк-

лорная концептосфера, реализованная в сказочных текстах, может быть структурирована как антропоцентрическое, теистически направленное образование. В центре находится концепт «Человек», включенный в субконцептосферы «Общество» и «Семья». Над ним располагается биполярная структура, один из полюсов которой составляет концепт «Бог», а другой — «Черт». Концепт «Человек» как часть названных субконцептосфер находится на одном уровне с субконцептосферами «Живая природа» и «Неживая природа», поскольку определяется вместе с ними как творение Божье. Совокупная языковая личность вербализует как социальные, так и семейные отношения человека с Богом и нечистой силой, живой и неживой природой, другими членами этноса. В языке сказки отражаются представления о доме, «своем» и «чужом» пространстве, времени, стихиях и т. д. Но одним из самых важных вопросов, поднимаемых сказкой, являются проблемы моральные, которые чаще всего решаются на основе православного мировоззрения.

Применяя методику послойного анализа фольклорного концепта, мы определили особенности его отражения в сказке и отличия от общекультурного, которые проявляются на образном и оценочном уровнях. Понятийные уровни фольклорного и общекультурного концептов совпадают. Средством отражения фольклорного концепта в сказочном тексте является вербализация. Участвуют в ней языковые единицы различных уровней, но ведущая роль принадлежит лексическим и фразеологическим. Среди них выделяются сказочные формулы, в состав которых входят зачины, концовки, рифмованные формулы, а также фразеологические единицы, которые, в широком понимании термина, включают в себя паремии, фольклорные афоризмы и т. д. Значительную роль играют и отдельные лексемы — имена концептов и мифоконцептов. Все эти единицы являются культурно значимыми, несут определенную прагматическую нагрузку, регулярно воспроизводятся в текстах русских народных сказок. Следовательно, их изучение позволяет получить исчерпывающее представление о русской фольклорной языковой картине мира и отраженном в ней менталитете этноса. Используя методы этнолингвокультурологического анализа, культурной интерпретации языковых знаков, при опоре на представление о менталитете, национальных особенностях русского этноса мы можем выявить прагматический, коннотативный и культурологический потенциал рассмотренных языковых единиц.

Вербализация ФК отражает закрепленные в языке народные представления о социальной иерархии, семейных ролях, окружающем мире — ближнем, «своем», и дальнем, неизведанном, о природе, животных и многом другом. Выбор лексических средств обуславливается ментальными особенностями русских. ФК, вербализованные в народной сказке, не следует рассматривать как зеркальное отражение жизненных реалий. Сказка в силу своих жанровых особенностей отличается целым рядом

условностей, которые принимаются слушателями как данность. В связи с этим отраженные в языке сказки взгляды и установки преломляются через фольклорную картину мира, которая отличается от общезыковой особой ценностной ориентацией.

В связи с невозможностью проанализировать в рамках одной работы всю фольклорную концептосферу в диссертации рассмотрены некоторые ФК, которые представляются в сказочных текстах особо значимыми: «Бог», «Черт», «Человек», «Царь», «Мать», «Сестра», «Храм» и некоторые другие. В современном русском этноязыковом сознании отражены ФК «Мачеха», «Баба-Яга», «Кошечей Бессмертный» и другие, в качестве стандартизированных единиц используются сказочные формулы и стали они жить-поживать и добра наживать; вот и сказке конец, а кто слушал — молодец; утро вечера мудренее; скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается, что подтверждается результатами лингвистического эксперимента. В течение жизни человека происходит накопление представлений о различных сторонах жизни, пополнение их за счёт приобретенного опыта, обучения, воспитания, самообразования. Каждый факт реальности получает вербализованный образ, который может со временем меняться, приобретать другие языковые обозначения, уходить в пассивный запас, обрастать коннотациями. ФК в этом отношении особенно показательны своими отличиями на аксиологическом и образном уровнях от общекультурных концептов, что также отразилось в результатах эксперимента.

Представляется перспективным дальнейшее изучение фольклорной концептосферы в аспекте лингвокультурологии (составление словаря концептов русской народной сказки, лингвокультурологическое описание фольклорных концептов, построение семантических полей, разработка различных групп лексики), поскольку фольклор ввиду своей многогранности и присущей ему этнокультурной нацеленности оставляет широкое поле для исследовательской деятельности.

Основное содержание диссертации отражено в следующих публикациях:

Статьи в журналах, входящих в список ВАК РФ

1. Алещенко, Е. И. Фразеология русской народной сказки как отражение фольклорной картины мира / Е. И. Алещенко // Изв. Волгогр. гос. пед. ун-та. Сер.: Филологические науки. — 2004. — № 3(08). — С. 49—56 (0,4 п. л.).
2. Алещенко, Е. И. Вербализация концепта «Природа» в русской народной сказке / Е. И. Алещенко // Изв. Волгогр. гос. пед. ун-та. Сер.: Филологические науки. — 2005. — № 3 (12). — С. 22—27 (0,6 п. л.).
3. Алещенко, Е. И. Концепт «Крещение» в русской народной сказке / Е. И. Алещенко // Вестн. Том. гос. пед. ун-та. Сер.: Гуманитарные науки (Филология). — Томск: Том. гос. пед. ун-т, 2006. — Вып. 5 (56). — С. 48—53 (0,6 п. л.).

4. Алешенко, Е. И. Сказочный текст как отражение христианской языковой картины мира / Е. И. Алешенко // Изв. Волгогр. гос. пед. ун-та. Сер.: Филологические науки. — 2006. — № 3 (16). — С. 47—52 (0,6 п. л.).

5. Алешенко, Е. И. Лексико-фразеологические средства вербализации христианской языковой картины мира в русской народной сказке / Е. И. Алешенко // Изв. Волгогр. гос. пед. ун-та. Сер.: Филологические науки. — 2007. — № 2 (20). — С. 54—59 (0,6 п. л.).

6. Алешенко, Е. И. Концептообразующая конфессиональная лексика русской народной сказки / Е. И. Алешенко // Вопросы когнитивной лингвистики. — 2007. — № 3. — С. 26—32 (0,75 п. л.).

7. Алешенко, Е. И. Мифоним *Баба-Яга* в русских народных сказках / Е. И. Алешенко // Рус. яз. в шк. — 2008. — № 4. — С. 90—92 (0,3 п. л.).

8. Алешенко, Е. И. К вопросу о соотношении сказки и мифа / Е. И. Алешенко // Изв. Волгогр. гос. пед. ун-та. Сер.: Филологические науки. — 2008. — № 7 (31). — С. 7—11 (0,5 п. л.).

Монографическое издание

9. Алешенко, Е. И. Этноязыковая картина мира в текстах русского фольклора (на материале народной сказки): монография / Е. И. Алешенко. — Волгоград: Изд-во ВГПУ «Перемена», 2008. — 289 с. (18 п. л.).

Научно-методическое издание

10. Алешенко, Е. И. Когнитивные аспекты языка русской народной сказки: учеб. пособие / Е. И. Алешенко. — Волгоград: Перемена, 2006. — 152 с. (9,5 п. л.).

Статьи и тезисы докладов в сборниках научных трудов и материалов научных конференций

11. Алешенко, Е. И. Концепт «Добро — зло» и его отражение в русской народной сказке «Арысь-поле» / Е. И. Алешенко // Проблемы вербализации концептов в семантике языка и текста: сб. материалов Междунар. науч. симпоз. — Ч. 2: Тез. докл. — Волгоград: Перемена, 2003. — С. 227—229 (0,1 п. л.).

12. Алешенко, Е. И. Концепт «Смерть» и его отражение в произведениях разных жанров / Е. И. Алешенко // Современная филология в международном пространстве языка и культуры: сб. тр. и материалов Междунар. науч. конф. — Астрахань: Астрах. ун-т, 2004. — С. 138—141 (0,2 п. л.).

13. Алешенко, Е. И. Вербализация концепта «Человек» в русской народной сказке / Е. И. Алешенко // Кирилло-Мефодиевские традиции на Нижней Волге: сб. материалов науч. конф. — Волгоград: Перемена, 2004. — Вып. 6. — С. 76—81 (0,3 п. л.).

14. Алешенко, Е. И. Вербализация концепта «Смерть» в русской народной сказке / Е. И. Алешенко // Литературный процесс в зеркале рубежного сознания: философский, лингвистический, эстетический, культурологический аспекты: сб. материалов Междунар. науч. конф. — Магнитогорск: МаГУ, 2004. — С. 485—489 (0,25 п. л.).

15. Алешенко, Е. И. Некоторые аспекты отражения наивной языковой картины мира в русской народной сказке / Е. И. Алешенко // Актуальные проблемы русского языка: сб. материалов регион. конф. — Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 2005. — С. 332—335 (0,2 п. л.).

16. Алешенко, Е. И. Отражение взаимоотношений человека и природы в языке русской народной сказки / Е. И. Алешенко // Русский язык и литература рубежа XX—XXI веков: специфика функционирования: сб. материалов Всерос. науч. конф. — Самара: Изд-во СГПУ, 2005. — С. 138—142 (0,25 п. л.).

17. Алешенко, Е. И. Отражение в русской народной сказке наивных представлений о мироустройстве / Е. И. Алешенко // Национально-культурный компонент в тексте и языке: сб. материалов Междунар. науч. конф. — Минск: Минский гос. лингв. ун-т, 2005. — Ч. 2. — С. 86—87 (0,06 п. л.).

18. Алешенко, Е. И. Наивная языковая картина мира и ее отражение в языке русской народной сказки / Е. И. Алешенко // Функциональные аспекты русского языка: сб. науч. ст. — Волгоград: Перемена, 2005. — С. 69—77 (0,5 п. л.).

19. Алешенко, Е. И. Проблемы вербализации концепта «Человек» в русском фольклоре / Е. И. Алешенко // Культурные концепты в языке и тексте: сб. науч. тр. — Белгород: Изд-во БелГУ, 2005. — С. 53—63 (0,6 п. л.).

20. Алешенко, Е. И. Некоторые особенности вербализации концептосферы русской народной сказки (на примере культа деревьев) / Е. И. Алешенко // Этнокультурные константы в русской языковой картине мира: генезис и функционирование: сб. материалов Междунар. науч. конф. — Белгород: Изд-во БелГУ, 2005. — С. 262—266 (0,25 п. л.).

21. Алешенко, Е. И. Некоторые аспекты отражения языческой языковой картины мира в русской народной сказке (на примере фигуры Бабы-Яги) / Е. И. Алешенко // Современные парадигмы лингвистики: традиции и инновации: сб. материалов Междунар. науч. конф. — Волгоград: Перемена, 2005. — С. 8—14 (0,4 п. л.).

22. Алешенко, Е. И. Некоторые черты христианской языковой картины мира в русской народной сказке / Е. И. Алешенко // Виноградовские чтения-2005: сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. — Тобольск: ТГПИ им. Д. И. Менделеева, 2005. — С. 18—19 (0,1 п. л.).

23. Алешенко, Е. И. Особенности вербализации концепта «Бог» в некоторых жанрах русского фольклора / Е. И. Алешенко // Язык — Культура — Сознание: Междунар. сб. науч. тр. по лингвокультурологии. — Самара: Самар. гуманитар. акад., 2005. — С. 28—33 (0,3 п. л.).

24. Алешенко, Е. И. Элементы христианской языковой картины мира в русских народных сказках: лингвориторический аспект / Е. И. Алешенко // Лингвориторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты: межвуз. сб. науч. тр. — Сочи: СГУТиКД, 2005. — Вып. 7. — С. 4—14 (0,8 п. л.).

25. Алешенко, Е. И. Семантика фразеологических оборотов русской народной сказки / Е. И. Алешенко // Функциональная семантика, семиотика знаковых систем и методы их изучения: 1-е Новиковские чтения: сб. материалов Междунар. науч. конф. — М.: Изд-во Рос. ун-та дружбы народов, 2006. — С. 128—131 (0,2 п. л.).

26. Алешенко, Е. И. Репрезентация концепта «Семья» в тексте русской народной сказки / Е. И. Алешенко // Язык. Культура. Коммуникация: сб. материалов Междунар. науч. конф. — Волгоград: Волгогр. науч. изд-во, 2006. — Ч. 2. — С. 190—195 (0,3 п. л.).

27. Алешенко, Е. И. Фольклорный текст как предмет научного исследования / Е. И. Алешенко // Классическое лингвистическое образование в современном мультикультурном пространстве-2: сб. материалов Междунар. науч. конф. — Пятигорск: Пятигор. гос. лингв. ун-т, 2006. — Ч. 2. — С. 192—195 (0,2 п. л.).
28. Алешенко, Е. И. Фольклорный текст как предмет лингвокультурологии (на материале русских народных сказок) / Е. И. Алешенко // Актуальные проблемы коммуникации и культуры-3: Междунар. сб. науч. тр. — Пятигорск: Пятигор. гос. лингв. ун-т, 2006. — С. 288—294 (0,4 п. л.).
29. Алешенко, Е. И. К проблеме вербализации концепта «Бог» в русской народной сказке / Е. И. Алешенко // Единство системного и функционального анализа языковых единиц: сб. материалов Междунар. науч. конф. — Белгород: Изд-во БелГУ, 2006. — Вып. 9. — Ч. 1. — С. 72—77 (0,3 п. л.).
30. Алешенко, Е. И. Некоторые аспекты вербализации концепта «Родина» в русских былинах / Е. И. Алешенко // Художественный текст: Слово. Концепт. Смысл: сб. материалов VIII Всерос. науч. семинара. — Томск: Изд-во ЦНТИ, 2006. — С. 10—13 (0,2 п. л.).
31. Алешенко, Е. И. Отражение концепта «Женщина» в языке русских христианских легенд / Е. И. Алешенко // Народное слово в науке о языке: сб. материалов Всерос. науч. конф. — Уфа: РИО БашГУ, 2006. — С. 27—30 (0,2 п. л.).
32. Алешенко, Е. И. Некоторые аспекты вербализации концепта «Пространство» в тексте русской народной сказки / Е. И. Алешенко // Восток — Запад: пространство русской литературы и фольклора: сб. материалов Междунар. науч. конф. — Волгоград: Волгогр. науч. изд-во, 2006. — С. 208—216 (0,5 п. л.).
33. Алешенко, Е. И. Вербализация концепта *дерево* в русских народных сказках / Е. И. Алешенко // Наследие академика В. И. Боровского и проблемы современной лингвистики: сб. ст., исслед., материалов. — Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2006. — С. 123—129 (0,4 п. л.).
34. Алешенко, Е. И. Функционирование фразеологических единиц в русской народной сказке / Е. И. Алешенко // Семантика. Функционирование. Текст: сб. науч. тр. — Киров: Изд-во ВятГГУ, 2006. — С. 157—161 (0,3 п. л.).
35. Алешенко, Е. И. Вступление в брак как один из сценариев концепта «Семья» в русской народной сказке / Е. И. Алешенко // Новое в когнитивной лингвистике: сб. материалов Междунар. науч. конф. — Кемерово: КемГУ, 2006. — Вып. 8. — С. 609—616 (0,4 п. л.).
36. Алешенко, Е. И. Некоторые аспекты отражения христианской языковой картины мира в русской народной сказке: семь таинств / Е. И. Алешенко // Картина мира: язык, литература, культура: сб. науч. ст. — Бийск: РИО БГПУ им. В. М. Шукшина, 2006. — Вып. 2. — С. 237—242 (0,3 п. л.).
37. Алешенко, Е. И. Некоторые аспекты концепта «Человек» в русской народной сказке / Е. И. Алешенко // Языкознание и литературоведение в синхронии и диахронии: сб. науч. ст. — Тамбов: Тамбовполиграфиздат, 2006. — Вып. 1. — С. 27—30 (0,4 п. л.).
38. Алешенко, Е. И. Языческая картина мира в русской народной сказке: низшие мифологические существа / Е. И. Алешенко // Девятые Международные Виноградовские чтения: Проблемы истории и теории литературы и фольклора: сб. науч. ст. — М.: МГПУ, 2006. — С. 148—153 (0,3 п. л.).
39. Алешенко, Е. И. Фразеологические единицы как одно из средств вербализации базовых концептов русского фольклора (на материале русских народ-

ных сказок) / Е. И. Алешенко // Сборник аннотаций докладов Международной научной конференции «Славянская фразеология и прагматика». — Загреб (Хорватия): Filozofski fakultet, FF-press, 2006. — С. 26 (0,025 п. л.).

40. Алешенко, Е. И. Вербализация концепта «Женщина» в русской народной сказке / Е. И. Алешенко // Путь к родному слову: сб. науч. ст. — Волгоград: Перемена, 2006. — С. 160—171 (0,7 п. л.).

41. Алешенко, Е. И. Функционирование номинаций животных в тексте русской народной сказки / Е. И. Алешенко // Ономастика Поволжья: сб. материалов Междунар. конф. — Уфа: Изд-во БГПУ, 2006. — С. 210—214 (0,25 п. л.).

42. Алешенко, Е. И. Лингвокультурологический аспект изучения фольклорных текстов / Е. И. Алешенко // Межкультурное взаимодействие: проблемы и перспективы: сб. материалов Междунар. конф. — Кострома: КГУ им. Н. А. Некрасова, 2006. — С. 15—19 (0,25 п. л.).

43. Алешенко, Е. И. Вербализация концепта «Брат» в русской народной сказке / Е. И. Алешенко // Русский язык и литература. Проблемы изучения и преподавания в школе и вузе: сб. науч. работ. — Киев, 2006. — С. 8—12 (0,3 п. л.).

44. Алешенко, Е. И. Вербализация концепта «Сестра» в русской народной сказке / Е. И. Алешенко // Известия на Научен център «Св. Дазий Доростолски». — Силистра (Болгария), 2006. — Кн. 1. — С. 157—171 (0,9 п. л.).

45. Алешенко, Е. И. Некоторые аспекты вербализации концепта «Невеста» в русской народной сказке / Е. И. Алешенко // Язык, литература, ментальность: разнообразие культурных практик: материалы I Междунар. науч. конф. — Курск: Изд-во КурскГТУ, 2006. — С. 6—12 (0,4 п. л.).

46. Алешенко, Е. И. Особенности отражения концепта «Смерть» в фольклорных и литературных произведениях / Е. И. Алешенко // Концептосфера — дискурс — картина мира: Междунар. сб. науч. тр. — Самара: Самар. гуманитар. акад., 2006. — С. 77—82 (0,4 п. л.).

47. Алешенко, Е. И. Господь и святые в русской народной сказке: отражение христианской языковой картины мира / Е. И. Алешенко // Лингвистические и эстетические аспекты анализа текста и речи: сб. ст. VI Всерос. науч. конф. с междунар. участием. — Соликамск: Соликам. гос. пед. ин-т, 2006. — С. 64—69 (0,4 п. л.).

48. Алешенко, Е. И. Священнослужители в русской народной сказке: одна из черт фольклорной христианской языковой картины мира / Е. И. Алешенко // Человек и мир человека: сб. ст. Всерос. науч. конф. — Рубцовск: Рубцов. индустриал. ин-т, 2006. — Вып. 3. — Ч. 2. — С. 9—18 (0,6 п. л.).

49. Алешенко, Е. И. Вербализация концепта «Черт» в русских народных сказках / Е. И. Алешенко // Дискуссионные вопросы современной лингвистики: сб. науч. тр. — Калуга: КГПУ им. К.Э. Циолковского, 2006. — Вып. 2. — С. 22—25 (0,2 п. л.).

50. Алешенко, Е. И. Некоторые аспекты вербализации концепта «Труд» в русской народной сказке / Е. И. Алешенко // Сборник материалов II научной конференции сотрудников и слушателей Центра переподготовки и повышения квалификации по филологии и лингвострановедению. — СПб.: Филол. фак. СПбГУ, 2006. — С. 3—14 (0,7 п. л.).

51. Алешенко, Е. И. Языковая личность древнего славянина-язычника (на материале русских народных сказок) / Е. И. Алешенко // Теоретические и методические проблемы русского языка как иностранного. Новые технологии в линг-

вистической и методологической наук (доклады и сообщения): сб. материалов IX Междунар. симпоз. МАПРЯЛ. — Велико-Тырново (Болгария): Изд-во В.-Тырнов. ун-та, 2006. — С. 356—359 (0,4 п. л.).

52. Алещенко, Е. И. Некоторые аспекты вербализации концепта «Родители» в русской народной сказке / Е. И. Алещенко // Текст: Теория и методика в контексте вузовского образования: сб. науч. тр. и материалов II Междунар. конф. — Тольятти: ТГУ, 2006. — С. 394—399 (0,3 п. л.).

53. Алещенко, Е. И. Особенности вербализации христианских концептов в тексте русской народной сказки / Е. И. Алещенко // Русская словесность в контексте современных интеграционных процессов: сб. материалов Второй Междунар. науч. конф. — Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2007. — Т. 1. — С. 725—731 (0,4 п. л.).

54. Алещенко, Е. И. Лексико-фразеологические средства вербализации концепта «Храм» в языке русской народной сказки / Е. И. Алещенко // Русский язык: исторические судьбы и современность: сб. тр. и материалов Междунар. конгресса исслед. рус. яз. — М.: МАКС Пресс, 2007. — С. 601 (0,1 п. л.).

55. Алещенко, Е. И. Концепт «Мать» в русской народной сказке / Е. И. Алещенко // Русское слово: сб. науч. тр. — Волгоград: Изд-во ВГИПК РО, 2007. — Вып. 1. — С. 13—26 (0,7 п. л.).

56. Алещенко, Е. И. Христианская лексика русской народной сказки как одно из средств вербализации языковой картины мира / Е. И. Алещенко // Отечественная культурно-образовательная традиция в духовно-нравственном становлении человека: сб. докл. Всерос. науч.-практ. конф. — Михайловка (Волгогр. обл.): Изд-во «ИП Рогачев Д. В.», 2007. — С. 108—115 (0,46 п. л.).

57. Алещенко, Е. И. Некоторые этнокультурные особенности социальных отношений, отраженные в языке русской народной сказки / Е. И. Алещенко // Знание. Язык. Культура: сб. материалов Междунар. науч. конф. — Тула: Петровская гора, 2007. — Т. 1. — С. 42—48 (0,38 п. л.).

58. Алещенко, Е. И. Вербализация христианского концепта «Всчлание» в русской народной сказке / Е. И. Алещенко // *Lingua mobilis*: науч. журнал лаб. межкультурной коммуникаций Челяб. гос. ун-та. — Челябинск: Энциклопедия, 2007. — № 2 (6). — С. 7—15 (0,5 п. л.).

59. Алещенко, Е. И. Вербализация представлений о праведном и несправедном суде в тексте русской народной сказки / Е. И. Алещенко // Русская словесность в поисках национальной идеи: сб. материалов Междунар. науч. симпоз. — Волгоград: Изд-во ВАГС, 2007. — С. 15—19 (0,5 п. л.).

60. Алещенко, Е. И. Взаимоотношение брата и сестры в русской народной сказке как один из сценариев концепта «Семья» / Е. И. Алещенко // Альманах современной науки и образования: в 3 ч. Ч. 1: Языкознание и литературоведение в синхронии и диахронии и методика преподавания языка и литературы. — Тамбов: Грамота, 2007. — № 3. — С. 9—11 (0,25 п. л.).

61. Алещенко, Е. И. Русская народная сказка и языковая личность сказителя: коммуникативный аспект / Е. И. Алещенко // Меняющаяся коммуникация в меняющемся мире: сб. ст. — Волгоград: Изд-во ВАГС, 2007. — С. 160—163 (0,4 п. л.).

62. Алещенко, Е. И. Фразеология русской народной сказки как элемент фольклорной языковой картины мира / Е. И. Алещенко // Мир русского слова и русское слово в мире: сб. материалов XI Конгресса МАПРЯЛ. — София (Болгария): Hecron Press, 2007. — Т. 2. — С. 29—33 (0,5 п. л.).

63. Алещенко, Е. И. Отражение в языке русской народной сказки мифа древних славян о сотворении человека / Е. И. Алещенко // Инновации в исследованиях русского языка, литературы, культуры: сб. докл. конф. МАПРЯЛ. — Пловдив (Болгария): Паисий Хилендарски, 2007. — Т. 1. — С. 401—408 (0,4 п. л.).

64. Алещенко, Е. И. Миф о Пигмалионе как отражение концепта «Любовь» в сказке и поэзии (к проблеме гипертекста) / Е. И. Алещенко, Б. А. Благоев // Динамика и функционирование русского языка: факторы и векторы: сб. материалов Междунар. конф. — Волгоград: Изд-во ВГИПК РО, 2007. — С. 100—107 (0,9 п. л.).

65. Алещенко, Е. И. Влияние христианства на вербализацию концепта «Смерть» в русской народной сказке / Е. И. Алещенко // Проблемы современной филологии: межвуз. сб. науч. тр. — Тамбов — Мичуринск: МГПИ, 2007. — Вып. 4. — С. 46—51 (0,3 п. л.).

66. Алещенко, Е. И. Некоторые особенности вербализации концепта «Женщина» как элемента казачьего народного сознания (на материале романа Б. Екимова «Родительский дом») / Е. И. Алещенко // Вопросы краеведения: сб. материалов XVI обл. краевед. чтений. — Волгоград: Панорама, 2007. — Вып. 10. — С. 326—328 (0,2 п. л.).

67. Алещенко, Е. И. Вербализация концепта «Мать» в русской и чешской народной сказке / Е. И. Алещенко // В поисках эквивалентности III: сб. науч. докл. — Прешов (Словакия): Presovska univerzita, Filozoficka fakulta, 2007. — С. 254—265 (0,75 п. л.).

68. Алещенко, Е. И. Представление в фольклорной языковой картине мира черта (беса) как героя-трикстера / Е. И. Алещенко // Актуальные проблемы современной лингвистики и лингводидактики: сб. науч. ст. по итогам межрегион. науч.-практ. конф. — Волгоград: Изд-во ВГПУ «Перемена», 2007. — С. 177—184 (0,4 п. л.).

69. Алещенко, Е. И. Влияние на сказочный текст языковой личности сказителя и слушателя / Е. И. Алещенко // Научни трудове: сб. докл. Междунар. науч. конф. Сер. 7. — Русе (Болгария): Печатна база при Русенския университет «Ангел Кънчев», 2007. — Т. 46. — С. 11—16 (0,3 п. л.).

70. Алещенко, Е. И. Коллективная языковая личность и ее отражение в народной сказке / Е. И. Алещенко // Acta lingvistika. — София (Болгария), 2007. — Т. 1. — № 1. — С. 79—85 (0,75 п. л.).

71. Алещенко, Е. И. Фразеологические единицы как одно из средств вербализации базовых концептов русского фольклора (на материале русских народных сказок) / Е. И. Алещенко // Slavenska frazeologija i Pragmatika: сб. материалов Междунар. науч. конф. — Zagreb (Хорватия): Knjigra, 2007. — С. 226—231 (0,3 п. л.).

72. Алещенко, Е. И. Лексико-фразеологические средства репрезентации отношений между родителями и детьми в русской народной сказке: один из аспектов концепта «Семья» / Е. И. Алещенко // Чуждоезиково обучение. — София (Болгария), 2007. — № 5. — С. 32—36 (0,5 п. л.).

73. Алещенко, Е. И. Сказочные формулы как одно из средств вербализации фольклорной картины мира / Е. И. Алещенко // Язык на перекрестке культур: Междунар. сб. науч. тр. — Самара: Самар. гуманитар. акад., 2007. — С. 24—30 (0,4 п. л.).

74. Алещенко, Е. И. К вопросу о понятийной составляющей фольклорного концепта «Бог» / Е. И. Алещенко // Вопросы духовности и нравственности в

российском обществе, культуре и литературе: сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. — Михайловка (Волгогр. обл.): Изд-во «ИП Рогачев Д. В.», 2007. — т. 1. — С. 6—11 (0,3 п. л.).

75. Алешенко, Е. И. Культурологический аспект описания фразеологии русской народной сказки / Е. И. Алешенко // Русский язык и литература в международном образовательном пространстве: современное состояние и перспективы: сб. докл. и сообщ. Междунар. конф. — СПб. — Гранада (Испания): МИРС, 2007. — Т. 1. — С. 501—507 (0,4 п. л.).

76. Алешенко, Е. И. Русская и болгарская языковые картины мира: к проблеме перевода / Е. И. Алешенко // Русский язык и культура в зеркале перевода: сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. — Салоники: Ситония Порто Карас (Греция), 2008. — С. 13—14 (0,06 п. л.).

77. Алешенко, Е. И. Фольклорный концепт «Семья» и основные способы его вербализации в русской народной сказке / Е. И. Алешенко // Рациональное и эмоциональное в литературе и фольклоре: сб. материалов IV Междунар. науч. конф. — Волгоград: Изд-во ВГИПК РО, 2008. — Ч. 2. — С. 163—170 (0,4 п. л.).

78. Алешенко, Е. И. Сказочный зачин как одно из средств успешной коммуникации между исполнителем и слушателем народной сказки / Е. И. Алешенко // Меняющаяся коммуникация в меняющемся мире-2: сб. ст. — Волгоград: Изд-во ВАГС, 2008. — Т. 1 — С. 199—202 (0,4 п. л.).

79. Алешенко, Е. И. К вопросу о мифологической основе сказки / Е. И. Алешенко // Живое слово: Фольклорно-диалектологический альманах. — Волгоград: Изд-во ВГИПК РО, 2008. — Вып. 1. — С. 45—48 (0,5 п. л.).

80. Алешенко, Е. И. Некоторые черты мифологической языковой картины мира в русских народных сказках / Е. И. Алешенко // Арnaudов сборник: Доклады и сообщения. — Русе (Болгария): ЛЕНИ-АН, 2008. — Т. 5. — С. 194—199 (0,4 п. л.).

81. Алешенко, Е. И. «Бог» как фольклорный концепт / Е. И. Алешенко // Труды по когнитивной лингвистике: сб. ст. — Кемерово: КеМГУ, 2008. — Вып. 10. — С. 125—134 (0,6 п. л.).

АЛЕЩЕНКО Елена Ивановна
ЭТНОЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА
В ТЕКСТАХ РУССКОГО ФОЛЬКЛОРА
(на материале народной сказки)

А в т о р е ф е р а т

Подписано к печати 14.10.2008 г. Формат 60×84/16. Печать офс. Бум. офс.
Гарнитура Times. Усл. печ. л. 2,4. Уч.-изд. л. 2,5. Тираж 120 экз. Заказ 524

ВГПУ. Издательство «Перемена»
Типография издательства «Перемена»
400131, Волгоград, пр. им. В.И.Ленина, 27

$$10 =$$